

ПОКОЛЕНИЕ НАДЕЖДЫ

Дмитрий Ким

ИЛИ
КАК Я СЕБЯ
ИСКАЛ

В ЭТОЙ
ОТКРОВЕННОЙ
ИСТОРИИ
КАЖДЫЙ НАЙДЁТ
ЧТО-ТО СВОЁ

Дмитрий Ким

**Поколение надежды.
Или как я себя искал**

«Издательские решения»

Ким Д.

Поколение надежды. Или как я себя искал / Д. Ким —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938302-0

Эта книга — откровенный разговор с самим собой человека, который прошел путь от медленного саморазрушения — алкоголизм, уход из семьи, опускание на самое дно социума, до полного принятия себя и гармонизации отношений с собой, семьей, родителями и социальным окружением. Автор беспристрастно разбирает причины своих метаний. И, кажется, находит ответы. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-938302-0

© Ким Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Вызов. Что со мной не так?	6
Глава 2. Прозрение	7
Глава 3. Начало	9
Глава 4. Я и хор	11
Глава 5. Дед Иван	13
Глава 6. Рай и ад – они здесь, на земле	15
Глава 7. Учительница	17
Глава 8. Чёрная дыра	19
Глава 9. Отказ от себя	21
Глава 10. Пошли вы все!	23
Глава 11. Олег	25
Глава 12. Первый опыт ведения бизнеса	27
Глава 13. Энергия денег	29
Глава 14. Зверь	31
Глава 15. Конопляный угар	33
Глава 16. Уютный мирок недолго продержался	35
Глава 17. Когда не уважаешь сам себя, близкий человек это чувствует	37
Глава 18. Окно возможностей	39
Глава 19. Сбалансированная команда – основа успеха любого дела	41
Глава 20. Первая любовь	43
Глава 21. Разного поля ягоды	45
Глава 22. Знакомство с элитой	47
Глава 23. Мутная сделка	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Поколение надежды Или как я себя искал

Дмитрий Ким

Моим родителям посвящается

Редактор Евгения Белянина

Корректор Александра Приданникова

Дизайнер обложки Александр Соловьёв

Фотографии в книге Любовь Ким

© Дмитрий Ким, 2021

© Александр Соловьёв, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-4493-8302-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Вызов. Что со мной не так?

Я стоял в час ночи под проливным дождём в Кривоколенном переулке, держа в руках кофр с костюмом и чемодан. Предыдущие двадцать восемь часов я провёл за рулём такси, чтобы заработать денег на ночлег и немного отправить семье. Десять дней оставлял вещи в хостеле. Приезжал только помыться, наскоро что-то постирать и поспать. Всё было хорошо. Но сегодня случилась странная вещь. Обычно радушная хозяйка хостела со словами «Мне такой жилец не нужен!» выгнала меня на улицу. Что на неё нашло?..

Голова совсем не соображала, после девятисот кило-метров безостановочного вождения по дорогам Москвы, галлюцинации в мозгу сменялись эйфорическими картинками из прошлого, а те в свою очередь – леденящими мыслями о будущем. Поставив машину в таксопарке, добирался до хостела на автопилоте – маршрутка, метро, десять минут пешком. Сейчас нужно было найти место для сна и стирки, но мозг отказывался работать на настоящее и в полудрёме стал уносить мысли в прошлое. Туда, где совсем недавно было так хорошо.

Ещё полгода назад я был директором фабрики. Супруга управляла купленным по франшизе магазином. По выходным мы любили обедать всей семьёй в лучшем ресторане Новокузнецка The Plov. В будни, по вечерам, нам нравилось, сидя на кухне, пить чай, строить планы на будущее и философствовать о смысле бытия. Иногда катались на велосипедах или мотоцикле, выезжали на Алтай порыбачить и полетать на парашуте. Жили простой и довольно счастливой жизнью до тех пор, пока всё внезапно не рухнуло.

В который раз мне предстоит начать всё с нуля. И если раньше перемены наполняли мою кровь адреналином, то в этот раз всё было не так. Какое-то тягостное ощущение хождения по кругу последние семь лет. Из года в год, из проекта в проект одно и то же. Мощный старт – напряжённая работа – вдохновляющие результаты – разногласия с работодателем – конфликт – хлопанье дверью – поиск новых проектов. Каждый раз с надеждой, что новый работодатель (как правило, собственник бизнеса) будет лучше предыдущих. Но с каждым новым проектом развязка становилась всё более болезненной, конфликты с собственниками – всё более травмирующими.

В Москве я только для того, чтобы разобраться со всем этим и положить конец остервеневшим «американским горкам». Пять лет назад я впервые осознал, что причины столь жёстких взлетов и падений сидят во мне. Где-то очень глубоко. Тогда же начал протаптывать дорожку внутри себя в поисках системных сбоев. Уже многое удалось исправить, но, видимо, не всё. Сейчас я должен убрать последние барьеры, мешающие двигаться вперёд.

От этих мыслей я очнулся и, собрав все силы в кулак, зашагал на Мясницкую в поисках места для ночёвки.

Глава 2. Прозрение

Проснулся в семь утра от пронизывающей тело боли. Давно не приходилось спать на металлических пружинах, застеленных тонким ватным одеялом. Хостел, который я нашёл в одной из подворотен на Мясницкой, скорее гетто для начинающих хипстеров, чем место ночёвки туристов. Посидев на краю кровати и постепенно придя в себя, увидел на руках, а затем и по всему телу маленькие красные точки. Точки зудели. «Ещё и клопы искусили», – усмехнулся я и побрёл в душевую. Тесная, вонючая каморка, где между душем, унитазом и раковиной можно было стоять только на одной ноге, ведро с горой использованной туалетной бумаги сначала вызвали приступ тошноты. Усилием воли я всё-таки смог абстрагироваться от запахов и вида загаженных бумажек. Взгляд застыл на облезлом зеркале, из которого на меня смотрел немолодой мужчина. Короткая стрижка, мелкие морщины вокруг глаз, круглое полное лицо. «В сорок четыре года ты мог бы выглядеть и лучше, Дима», – пронеслось в голове. Побрившись и приняв душ, я чистил зубы и думал о предстоящем дне. Представлял, как снова сяду за руль и буду, пока хватает сил, возить пассажиров по улицам лучшего города на земле – Москвы. От этих мыслей приятно защемило внутри. Я оделся и побежал к метро, чтобы поскорее добраться до машины и начать накатывать колею в своё светлое будущее.

Сев за руль и включив приложения служб такси, я получил первую плохую новость: оканчивается, компания – арендодатель автомобиля оштрафовала меня вчера на три тысячи рублей за сорванные заказы, которые я не увидел в их системе, забыв её отключить. Затем была девушка, всю дорогу кричавшая мне: «Налево! Направо! Быстрее! Не тормози!» В какой-то момент я не выдержал и грубо бросил ей: «Прекратите истерику! Коня себе купите и погоняйте им!» Она ошарашенно посмотрела на меня: «Это не истерика, просто я тороплюсь». Потом случился индеец (настоящий, из Северной Америки), с которым пришлось проехать по платной дороге, но он отказался её оплатить, и я матом выгнал его из машины. А завершился день в Люберцах, когда я решил проехать через территорию строительного рынка, будучи уверенным, что первые часы на их парковочной территории бесплатны. Но, подкатив к шлагбауму на выезд, я увидел, что первые пятнадцать минут стоят пятьдесят рублей! Бесплатно – это если больше пятнадцати минут, но не более трёх часов. Я был в бешенстве. Каких только слов не произнёс в адрес изобретателей этой западни. Когда словарный запас иссяк, я вспомнил, что кто-то из таксистов рассказывал, как на платных дорогах проскакивал через шлагбаумы, пристроившись за попутной машиной. «Эврика!» – подумал я и рванул за первой же попуткой. Шлагбаум оказался намного шустрей, чем я предполагал. Итог – царапины и вмятины на стойке и крыше.

Досада, боль, отчаяние из-за собственной глупости – все эти чувства перемешались каким-то ужасным коктейлем внутри. Я обзвонил несколько кузовных мастерских, выяснил, что ремонт обойдётся в десять тысяч рублей! «Весь мой чистый заработок за пять дней. А ещё штрафы от компании. И наверняка придут штрафы за нарушение правил дорожного движения... На что жить? Что я отправлю семье?» От этих мыслей комок подкатил к горлу, на глаза навернулись слёзы... И я зарыдал. Впервые за много лет. Нет, это не были слёзы жалости к себе. Под грузом навалившихся проблем я вдруг понял, что испытания мне посланы для того, чтобы извлёк уроки. Все косяки, которые я так концентрированно исполнял за рулём такси, – все эти вещи происходили со мной и прежде. Когда я, директор завода или фабрики, руководил коллективами из сотен и тысяч людей. Моя временами нетерпеливость, эмоциональная несдержанность, склонность винить в своих проблемах обстоятельства и других людей – усложняли отношения с коллегами. Я терял деньги, рушил связи, портил отношения. Заставлял испытывать страх неопределённости самых близких людей – супругу с детьми.

Я плакал, исполненный благодарности судьбе за то, что наконец до меня дошло что-то действительно важное.

– Я всё понял! Я понял, что должен сделать! Спасибо! – во весь голос закричал я в открытое окно своей «шкоды». Никто из прохожих даже не обернулся. Окружающим не интересно, о чём кричит какой-то очередной придурок. Такой пофигизм есть только в Москве, в том числе из-за него я обожаю этот город.

Успокоившись, я вытер слёзы и абсолютно счастливый поехал спать в свой новый хостел на железную кровать с клопами. Я был счастлив, и я точно знал, какие качества начну изменять в себе прямо сейчас, ещё не понимая, что совсем скоро эти изменения откроют для меня невиданные прежде горизонты.

В момент озарения за рулём такси в моём сознании случился тектонический сдвиг, к которому я шёл всю свою жизнь. Чтение умных книг, алкоголь до отключки сознания, психологические тренинги, безумные поступки – всё было не зря. Я наконец осознал ключевую причину моих проблем – жёсткое неприятие себя. Все попытки убежать от себя настоящего, вместо того чтобы разобраться с причинами низкой самооценки, приводили к алкоголизму, к назначению виновных в своих бедах, отказу от ответственности за свою жизнь. Пока всё шло более-менее хорошо, в мозгу теплилась надежда: «Может, я всё-таки хороший?» Как только возникали проблемы, мозг начинал твердить: «Ты всё-таки скотина, правы были все, кто об этом говорил!» Вместе с такими мыслями приходило уныние, пропадала воля, и раз за разом я пускал свою жизнь под откос.

Прежде чем описать позитивные перемены, произошедшие дальше, попытаюсь объяснить, почему мне потребовалось столько лет довольно драматичного пути, чтобы осознать простую вещь: сам факт рождения человека (в том числе меня) есть чудо, достойное любви безо всяких условий.

Всё началось в апреле 1972 года. В тот момент, когда я, выбрав своих родителей, решил появиться на свет.

Глава 3. Начало

Я родился морозным декабрьским утром в новоиспечённой семье студентов Целиноградского педагогического института, которые ещё девять месяцев назад не подозревали о существовании друг друга. Она – чернявая девятнадцатилетняя красавица с точёной фигуркой. Отличница, увлекающаяся народными танцами. Он – отслуживший в армии третьекурсник, красавец русско-корейских кровей, активист-комсомолец, комсорг курса. Я бесцеремонно вмешался в их жизнь. Сделал это так резко, что моя будущая мама, воспитанная в строгих правилах, поняв, что беременна, собрала вещи, написала родителям записку и чуть было не уехала на БАМ – гремевшую тогда на весь СССР комсомольскую стройку. История умалчивает, как об этих планах узнал мой будущий отец, но, узнав, он взял всю ответственность на себя, предложил растерянной девчонке выйти замуж и позволил мне появиться на свет.

Первые месяцы жизни прошли весело. Из старого чемодана мне сделали кровать, соседи по общежитию надели пелёнок. Мама в перерывах между парами прибегала меня кормить и пеленать. Судя по всему, мне нравилась такая жизнь. Как вспоминает мама, я никогда не плакал, всегда улыбался, а если мне было что-то нужно, лишь неназойливо кричал.

Как только я подрос настолько, что мог обходиться без маминого молока, настала очередь дедушек и бабушек приложить руку к моему воспитанию. Бабушки практиковали радикально разные методы. Родители мамы – бабушка Маша, урождённая Абрамова из села Барановичи Смоленской области. В восьмилетнем возрасте была угнана немцами в Польшу, где до конца войны помогала по дому и хозяйству зажиточной полячке. Бабушка с детских лет научилась скрывать свои эмоции и еврейское происхождение. О том, что я не только русский, кореец, но и еврей, я узнал уже после её смерти. Дед Иван – сын обедневшего казака с Поволжья. В 1943 году, в восемнадцатилетнем возрасте, окончив школу младших полевых командиров, был призван на фронт. Дошёл до Кёнигсберга и закончил войну капитаном – командиром артиллерийской роты. За время войны получил несколько ранений, совершил ряд подвигов, о которых наша семья узнала только в 2016 году благодаря сайту podvignaroda.ru.

Мамины родители жили в пригороде Целинограда, поэтому первым счастьем общения со мной досталось им. По тем временам дед Иван и бабушка Маша были продвинутых взглядов. Выкатывали меня спать на мороз, легко одевали, подолгу гуляли со мной на воздухе, и эта тактика работала. Не знаю, мёрз ли я во время их экспериментов, но не болел совсем.

Родители папы были другими. Дед Илларион, кореец, депортированный в Казахстан с Дальнего Востока в четырнадцатилетнем возрасте. Сын православного священника корейского села Благословенное. В 1931 году по Приамурью прокатилась волна раскулачивания, которая затронула и его семью. В последний раз, когда он видел своих родителей, они разбудили его, восьмилетнего пацана, ночью, попросили быстрее одеться и отвели к тётке. Сказали, что уходят в Харбин и скоро вернутся за ним. Взяли с собой младшую сестру. И навсегда исчезли в ночи. До 1937 года дед работал на лесоповале. С началом депортации корейского населения его посадили в вагон-теплушку и вместе с тысячами других корейцев отправили в Казахстан. В Центральном Казахстане в селе Вознесенка его приютили местные жители. К началу Великой Отечественной войны, в возрасте восемнадцати лет, он, работая слесарем на местной маслобойке, стал незаменимым специалистом, мастером на все руки. Проводил первое электричество в деревенские дома, ремонтировал любые электрические и механические устройства. Его супруга, моя бабушка Настя, была первой красавицей на деревне. Дочь русских переселенцев из Псковской губернии. Пела, играла на гитаре и, конечно же, не могла пройти мимо скромного, статного корейца с золотыми руками.

Их подход к моему воспитанию был простым – устроить всё так, чтобы я не мог навредить себе. Когда меня впервые привезли к ним, я уже всю ползая и даже пытаясь что-то говорить.

Дед тогда много работал на маслобойке, а по вечерам возился в своём гараже, ремонтируя всё, что несли ему односельчане, – от велосипедов до телевизоров. Бабушка целый день хлопотала по хозяйству, периодически заходя в дом, чтобы поесть самой и меня покормить. Для моей безопасности была придумана гениальная вещь – поводок из верёвки, который бабушка привязывала одним концом к моей ноге, другим – к ножке кровати. Длины поводка хватало, чтобы я мог залезть на подоконник, и не хватало, чтобы я мог дотянуться до раскалённой печи. В перерывах между сном и едой я сидел на подоконнике. Часами разглядывал разноцветных кур во дворе, наблюдал за собакой и непрерывно жующими коровами, не переставая удивляться всему этому разнообразию. Улыбался, что-то кричал, тыкал пальцем в окно – в общем, было здорово. И безопасно. Правда, стал простывать от малейшего сквозняка, но это были мелочи.

Глава 4. Я и хор

Так я переезжал от бабушки к бабушке. У них на глазах я в девять месяцев научился ходить и говорить. В то время как мама и папа грызли гранит науки, готовясь стать самостоятельными. На глазах у бабушек я познавал мир: меня перекидывал через себя бык, которому я помешал пройти; соседка ловила меня за ногу, когда я уже переваливался в колодец, чтобы разглядеть, кто же кричит мне из него в ответ; я практически сварил левую руку, пытаясь пощупать, что же так красиво булькает в ведре.

Наконец мама окончила институт. Папа, к тому времени отработав два года директором школы в своей родной деревне, решил делать карьеру по партийной линии. Он получил назначение парторгом – партийным организатором – в небольшое село Отрадное, расположенное в тридцати километрах от родительского дома. И мы всей семьёй поехали в свой первый дом.

Дом находился на центральной улице посёлка, улица состояла из пяти домов совхозного начальства. Печное отопление, но с водопроводом и унитазом. Дом мне казался огромным, как и мир вокруг него.

В пятилетнем возрасте я быстро осваивал территорию. С соседскими пацанами бегал на речку. Денис, двенадцатилетний сын совхозного прораба, сделал мне из ветки удочку и научил рыбачить. Процесс ловли пескарей меня настолько захватил, что я мог целыми днями стоять на берегу реки, забыв о голоде и холоде. Мы купались на мелководе, бегали в одних трусах по пыльным совхозным дорогам. Вместе с соседом-одногодком Серёгой учились кататься на велосипедах. Здесь у меня была первая детская любовь. По выходным папа брал меня с собой, сажал на колени и давал порулить служебным «москвичом». В Отрадном родился мой первый брат. Здесь же я окончил первый класс, после этого произошло ещё одно важное событие: папа для ускорения своей карьеры поступил в высшую партийную школу в Алма-Ате. Мама решила вместе со мной и братом ехать вслед за ним. Пришло время расстаться с любимым посёлком и друзьями. Не знаю почему, но Отрадное – единственное место на земле, при воспоминании о котором у меня щемит внутри от чувства ностальгии.

В Алма-Ате мне не понравилось сразу. Большой город, пустая квартира, полная тараканов, которых я впервые увидел здесь. Какие-то странные люди: никто не здоровается со мной на улице. Ближайшая к нашему дому школа оказалась переполненной. И мама была вынуждена пристроить меня в класс для «музыкально одарённых детей». Хор, состоявший из учеников этого класса, был постоянным победителем всевозможных городских и республиканских конкурсов. Записав меня туда, мама поступила опрометчиво: петь я не умел, но любил. На первых занятиях я скромно наблюдал, как учительница приглашала выйти перед хором кого-нибудь из мальчиков или девочек для исполнения сольной партии. Я слушал солистов и с каждым разом всё отчётливей понимал: я же лучше пою! Было странно, почему меня не зовут быть солистом. Наконец до меня дошло: учительница просто не слышит мой прекрасный голос! И, выждав момент, я запел громче всех. Учительница в недоумении остановила дирижёрским жестом хор и, глядя на меня, спросила: «Ким, что это было?» Я смущённо промолчал, понимая, что она просто не поверила своим ушам, услышав такое красивое пение. «И-и-и раз-два-три», – взмах палочки, вступает хор, и снова мой шикарный голос звучит громче всех.

– Ким! Заткнись! – тряся руками и выкатив на меня глаза, закричала учительница. – Заткнись, чтобы я тебя не слышала! Ты понял меня?!

– Понял, понял, – изумлённый такой странной реакцией, закивал я в ответ.

– Просто открывай рот! Молча! Понял?!

– Да.

Так, едва начавшись, закончилась моя певческая карьера. С того дня уроки пения стали для меня настоящей каторгой, просто открывать рот было очень скучно.

Спасение пришло откуда не ждали. Наш класс наконец отправили на городской конкурс хорового пения. Родителям раздали пригласительные и заставили скинуться на пошив костюмов для выступления – белые рубашки и красные шорты-комбинезоны с вышитым на груди скрипичным ключом.

На сцене концертного зала, где проходило наше выступление, были установлены в ряд скамейки разной высоты, на которые нас выставили лесенкой, друг за другом. Моё место оказалось в середине самого последнего ряда. Зал затих. Включились софиты, взмах палочки, и... полились прекрасные звуки. Многоголосый детский хор исполнял песню «Крылатые качели». Я открывал рот и смотрел по сторонам, наблюдая, с каким торжеством и упоением отдаются пению мои одноклассники. К середине «Качелей» я заскучал и стал строить рожки соседям. А что ещё делать второкласснику, молча открывающему рот во время выступления в концертном зале?

Кто-то из соседей заметил и стал отмахиваться от меня. Завязалась тихая потасовка, в результате которой я потерял равновесие. Считанные секунды – и весь наш прекрасный хор завалился на пол, превратившись в кричащую кучу малу. Домой я шёл один. Мама сказала, что я «позорище» и ей за меня стыдно. На следующий день на собрании класса меня исключили из хора, проведя через строй ребят-одноклассников, которые пробили мне «санчины» – удары в солнечное сплетение на выдохе. Я не обижался, понимал: за дело. Всех подвёл, впервые класс не выиграл в конкурсе. Зато мне больше не надо было ходить на занятия хора, чтобы, умирая от скуки, открывать рот.

Глава 5. Дед Иван

Год в Алма-Ате пролетел быстро. Этот город мне запомнился высокогорным катком «Медео», где я впервые встал на коньки; походами с отцом в горы, где мы забирались на зелёные вершины и, наблюдая сверху за отарами овец, пасущихся на горных лугах, ели копчёное сало с чёрным хлебом. Это была самая вкусная еда на свете. По дороге назад мы могли нарвать огромных красных яблок – алматинского апорта. Или абрикосов, которые растут здесь повсюду, как берёзы где-нибудь на Среднерусской возвышенности.

У папы закончилась учёба, и мы поехали в пригород Целинограда к маминым родителям – пожить немного, пока мама и папа решат со своей дальнейшей работой.

Я был очень рад увидеть деда и бабушку. Дед Иван и бабушка Маша делали вид, что строги со мной, но я знал, как сильно они меня любят.

Дед после войны продолжил службу сначала в Кёнигсберге, а затем на семипалатинском ядерном полигоне, куда переехал из Калининграда (Кёнигсберга) со всей семьёй, которой успел там обзавестись. Сколько точно они там прожили, я не помню. Дед лишь иногда рассказывал, как во время ядерных взрывов у них выбивало ударной волной стёкла в доме – так близко от полигона находился дом. После взрыва обычно по военному городку проезжали строители, замеряли выбитые окна и двери и оперативно всё восстанавливали. Я тогда не знал, что дед в свои 58 лет был уже смертельно болен раком и что год после Алма-Аты станет последним годом, когда я буду с ним рядом.

Дед просыпался рано утром, в пять. Я обожал вставать вместе с ним. Он первым делом жарил кусок солёного сала с прослойками мяса, делил кусок пополам – себе и мне. Мы его ели с хлебом, пили чай, и дед начинал бриться опасной бритвой. Это был целый ритуал. Он неспешно правил бритву на кожаном ремне, наводил в чашке пену, устанавливал перед собой специальное зеркало и приступал к бритью. Было что-то магическое в этом процессе. Потом дед уезжал на работу, а я собирался в школу. Круто было на каникулах, когда после утреннего ритуала дед брал меня с собой в тракторно-полеводческую бригаду, где он был бригадиром. Я весь день мотался с ним по полям, катался с мужиками на комбайнах, ел вкуснейшую еду из полевой кухни и вырубался по дороге домой, а по приезде дед осторожно меня будил, и я, счастливый, брёл, спотыкаясь спросонья, до своей кровати.

Непростая была у него судьба. Травмы войны долго давали о себе знать. Демобилизовавшись с военной службы, дед с бабушкой приехал на Целину, и он долго не мог найти себя на гражданке. Работал слесарем в тракторных мастерских, землемером, кем только не работал. И пил. Пил по-чёрному. Его выгоняли с работы, он устраивал дома дебоши, лупил жену и детей. Пока в один из дней не собрал вещи и, заявив, что, пока пить не бросит, домой не вернётся, ушёл. Вернулся, по рассказам бабушки, через месяц. Другим человеком. И с тех пор к спиртному не прикасался.

Устроившись в тракторно-полеводческую бригаду механизатором, дед быстро стал бригадиром – пригодился командирский опыт. Через несколько лет его бригада гремела на весь Казахстан благодаря самым высоким урожаям пшеницы. У деда было много наград – как фронтовых, так и гражданских. О войне он никогда не рассказывал, только 9 Мая я замечал, как при звуках песни «День Победы» у него дрожали губы и по щекам текли слёзы. Его высшей гражданской наградой был орден Ленина, который деду вручили за трудовые победы. Чуть-чуть не хватило до Золотой Звезды Героя Социалистического Труда. Подкосила болезнь.

Ну а пока у нас был целый год впереди. И дед предложил заняться музыкой.

– Хочешь?

– Хочу!

– На чём хочешь играть?

- Не знаю.
- На аккордеоне будешь?
- Буду!

Так я стал аккордеонистом. Учась в третьем классе общеобразовательной школы, начал регулярно заниматься на аккордеоне. Благодаря хорошему слуху дела быстро шли в гору, и меня записали в школьный кружок. В кружке, помимо меня, были балалаечники и ещё один аккордеонист. Мы разучивали разные незатейливые мелодии и ездили по району с выступлениями. Мне нравилось. А ещё мне очень нравилось читать. С первого класса я поглощал книги тоннами. Перечитал всё собрание сказок Афанасьева, зачитывался сказками народов мира, братьев Гримм, Христиана Андерсена и многих других. Благодаря книгам я очень хорошо читал вслух. И, как говорила учительница начальных классов, у меня была хорошая дикция. Это заметили школьные организаторы и стали брать меня на разные партийные и комсомольские конференции, чтобы я с какой-нибудь девочкой со сцены читал приветственные стихи. Так и гастролировал – читал стихи, играл на аккордеоне, «пока не случилось то, что должно было случиться».

В нашем городе проходила республиканская комсомольская конференция. Съехались делегаты со всей республики, огромный Дворец молодёжи был забит битком. В президиуме заседали комсомольские и партийные лидеры Казахстана. Мне вместе с группой таких же ответственных детей было поручено приветствовать президиум и возложить (по-другому не скажешь) букет из трёх гвоздик на стол перед каждым членом.

Я выбегал на сцену первым. Добежал до края стола, встал и повернулся вполборота лицом к залу. Дождавшись, пока выстроится шеренга, вместе со всеми прокричал приветствие участникам конференции от пионеров Казахстана. Затем мы развернулись, синхронно возложили цветы, отдали салют и побежали со сцены. Пробежав пару человек президиума, я заметил, что у одного из них нет цветов. «Не хватило?! – подумал я. – Как же так, что делать?» Я остановился посреди сцены, мозг лихорадочно искал решение. Учительница, увидев моё замешательство, остервенело замахала рукой: «Сюда, сюда! Беги сюда, придурок!» Тут я наконец сообразил. Быстро вернулся к своему коммунисту, взял у него один цветок, положил обделённому дядьке и побежал со сцены. Зал взорвался от смеха... Что потом было! Каких только слов я не услышал в свой адрес от ведущей кружка. Что опозорил всю школу. Что не достоин звания пионера. Стыдобища! И всё в таком духе. Мне стало грустно. Я осознал глубину своего падения. Опять всех подвёл. Приехав вечером домой, сказал деду, что не хочу больше участвовать в кружке и играть на аккордеоне.

- Почему?
- Мне не нравится.

Так после певческого фиаско не вышел из меня и аккордеонист.

Глава 6. Рай и ад – они здесь, на земле

Пролетел ещё один год. Я окончил третий класс отличником, прославившись на всю школу своими сочинениями на вольную тему.

Папа, попробовав себя в роли тележурналиста – ведущего новостей на областном канале, решил продолжить работу по партийной линии. Его назначили заведующим организационным отделом райкома партии в село Краснознаменское, расположенное в двухстах километрах от дома бабушки и бабушки, в котором мы жили. Мне нравились перемены, и я с радостью ждал переезда.

В Краснознаменском освоился быстро. Недалеко от дома был стадион, где я, познакомившись с местными пацанами, с утра до вечера гонял в футбол. Постепенно семья обзавелась хозяйством: коровой, курами, индюками – и свободного времени стало меньше. Чистить картошку и мыть посуду я научился с пяти лет. В десять уже активно помогал по хозяйству: мыл полы, посуду, топил печь, убирался во дворе и в нашем большом доме. Кормил животных и ухаживал за ними. После бабушкиного дома, где она ничего не давала делать, мне было трудно въехать в ритм и дисциплинированно выполнять свои обязанности. Но со временем втянулся, и мне всё больше нравилось ощущать себя хозяином. Я любил, когда родители с младшим братом уезжали и можно было в тишине сделать генеральную уборку – никто не мешал. Главный приз – это реакция мамы, когда она по приезде обходила все комнаты, нахваливая меня, а в конце обнимала и целовала. После такого ритуала мне хотелось летать от счастья. И с каждым разом я всё серьезней подходил к уборке, промывая и вытирая пыль в самых дальних уголках – сверху, снизу, под ковром, под диваном. Добивался, чтобы не только видимые, но и невидимые части дома сверкали от чистоты.

Благодаря отличной памяти учёба мне давалась легко. Достаточно было внимательно послушать урок, чтобы затем легко выполнить все задания. Бывали периоды, когда я на учёбу забивал. Но к концу четверти легко отыгрывал все утраченные позиции. Я рос живым и крайне любопытным ребенком, не вписывающимся в традиционные параметры прилежного ученика и тем более образцового пионера. С раннего детства взрослые пытались меня подогнать под общепринятые рамки. Лупить ремнём начали в полтора года. Отец как-то сказал: «Хватит с ним разговаривать, пора бить начинать». И выпорол меня. За что был тот первый раз, уже никто не помнит. По мере моего взросления наказания учащались: не выучил уроки, не помыл посуду, поздно пришёл, задавал слишком много вопросов учителю – поводов было хоть отбавляй. Единственный период без отцовского ремня – время, когда мы жили у маминых родителей. Отец деда уважал. И побаивался проявлять при нём свои не самые лучшие качества.

Жизнь в Краснознаменке началась бодро. Но постепенно атмосфера в семье ухудшалась: отец всё чаще приходил домой не в духе, мама, работая на полторы ставки учителем математики, допоздна задерживалась в школе, затем дома до полуночи проверяла тетради. Скандалы, как правило, начинались с мелочей. Но так как ни мама, ни папа не хотели уступать друг другу, ссоры разрастались до непрекращающегося ора и могли длиться часами. Этот непрекращающийся ор стал обычным явлением в нашей семье. Самым ужасным временем суток для меня были утро и вечер. Утро всегда начиналось с ругани. Папа, собираясь на работу, начинал кричать, если чего-то не мог найти, мама тоже кричала в ответ. Я всегда в такие моменты испытывал сильное внутреннее напряжение, ожидая, от кого и за что мне прилетит на этот раз. Вечером, когда отец приходил с работы, я обычно мыл посуду или полы. Как только слышались его шаги, у меня всё сжималось внутри. Я знал, что сейчас он поест и будет меня бить. Иногда проносило. И отец, поужинав, молча шёл смотреть телевизор, а затем спать. Иногда – нет. В первое время я лихорадочно перебирал в голове варианты – за что сегодня может прилететь, пытаюсь продумать варианты защиты. Но быстро поняв, что никакие аргументы от наказания

не спасут, обречённо ждал. С одним желанием: если экзекуция неизбежна, пусть она поскорей начнётся.

– Дневник неси!

– Вот.

– Почему не записаны домашние задания?!

– Забыл. Пап, я щас, быстро позвоню Серёге или Тане, они мне скажут, и я запишу!

– Ах ты забыл?! Забыл?! Ах ты ж скотина! Ты когда научишься не забывать?! А?! Я тебя спрашиваю! Неси ремень!

– Папа, не надо! Пожалуйста! Я больше не буду! – начинал я его уговаривать сквозь слёзы.

– Неси ремень, я тебе сказал! Забыл он! Скотина! Подонок! Выродок!

В этот момент я начинал плакать и умолять его не бить, но он уже не мог остановиться и, приговаривая на ходу: «Где ремень, где ремень, где ремень», шёл в свою комнату, находил ремень и начинал меня бить. Часто до иступления, пока не уставал.

– Ты у меня синий будешь, – часто говорил он.

И я действительно постоянно ходил с синяками. При этом долгое время не испытывал к отцу обиды, злости, а тем более ненависти. Только боль, страх... И любовь. В те редкие моменты, когда он был в хорошем настроении и брал меня на рыбалку или звал что-то вместе поделать по дому, я был счастлив. И мечтал только об одном – чтобы такие моменты никогда не заканчивались. Но проходило время, и отец снова погружался в бездну своих страхов, травм и комплексов, которые вынуждали его превращать свою и наши жизни в ад.

Глава 7. Учительница

Учителя Краснознаменской средней школы быстро вычислили слабое место в безупречном образе моей мамы и всей моей семьи. Молодая красавица, учитель математики старших классов мгновенно завоевала уважение учеников, внимание коллег-мужчин и стала объектом зависти всего женского коллектива. Поняв через какое-то время, что из принципиальных соображений ни мама, ни папа, который также делал стремительную партийную карьеру, никогда не встанут на сторону своих детей, женская часть учительского коллектива стала с нарастающей частотой давить на эту кнопку.

Мама рассказывала, что к концу первого учебного года на переменах она входила в учительскую как на Голгофу.

- Ваш Дима опоздал на урок.
- Ваш Дима разговаривал.
- Ваш Дима бегал по коридору во время перемены.
- Ваш Дима... ваш Дима... ваш Дима...

Мама каждый раз терпеливо обещала со мной поговорить и разобраться.

Ловила меня на переменах, просила быть самым прилежным учеником. Когда решала, что я не прислушиваюсь к её просьбам, рассказывала отцу. Он меня воспитывал ремнём. Иногда, когда мне особенно сильно доставалось, я показывал свои синяки одноклассникам, те рассказывали обо мне другим ученикам, постепенно эта информация дошла до учителей, и скоро вся школа знала, что меня лупят дома за малейшую провинность. В учительской во время перемен к маме выстраивалась очередь из желающих сообщить о моих проступках.

Дальше всех пошла классная руководительница – Евгения Тихоновна. Всегда спокойная, полная женщина, мать двоих сыновей, любила приходить к нам домой в то время, когда там был отец. Чтобы лично убедить его в том, что я позорю его честное имя. Затем наблюдала, как он меня избивает. Убедившись, что цель достигнута, вежливо прощалась и уходила домой.

Во время одного из таких визитов она присела напротив отца за обеденный стол и, как обычно, начала:

– Дима сегодня на уроке биологии разобрал автоматическую шариковую ручку так, что она разлетелась по всему классу. Сорвал урок.

– Хорошо, я с ним разберусь, – говорит отец, продолжая есть борщ.

– Снова бегал как угорелый на перемене.

– Угу, я всыплю ему, – откусывая кусок хлеба, произносит отец.

– Прогулял географию.

– Вот гадёныш! Я разберусь с ним! – сказал отец, продолжая есть.

Я стоял в дверном проёме кухни и молча слушал. Учительница говорила правду. Всё внутри привычно сжалось от страха, резко захотелось в туалет. Я терпеливо ждал, когда отец начнёт привычную процедуру. Но он почему-то не начинал. Евгения Тихоновна, видя, что отец в этот раз как-то не заводится, продолжила:

– Он, когда бегал на перемене, толкнул девочку из младших классов.

Я в недоумении посмотрел на неё: «Какую девочку?»

– Ей стало плохо, мы уже думали скорую вызывать, – продолжала она.

– Какую девочку? Зачем вы обманываете?! Папа, это неправда! Она врёт! – не выдержав, закричал я во весь голос.

– Ты как с учительницей разговариваешь! – взорвался отец. – Ну всё!

Он вскакивает из-за стола.

– Ублюдок! Выродок! Скотина! – кричит отец и, схватив меня за волосы, тащит в зал.

– Папа, не надо! Умоляю, пожалуйста! Не надо! Это неправда! – зарыдал я от обиды и бессилия, понимая, что мои крики и мольбы ничего для него не значат. Дотащив меня до дивана и швырнув на него животом вниз, с криками «Убить не убью, но инвалида из тебя сделаю!» отец принялся бить меня кулаком по спине. После нескольких тяжёлых ударов потемнело в глазах. Я стал звать на помощь. Меня спасло, что в этот момент в дом зашла мама со своей подружкой. Не без труда им удалось оттащить от меня отца. Сквозь мутную пелену я увидел Евгению Тихоновну. Она невозмутимо смотрела мне прямо в глаза. Спокойно вздохнув, как всегда вежливо она попрощалась и пошла домой, к своей семье.

Я быстро отошёл: боль в спине через пару часов прекратилась, и я смог продолжить заниматься домашними делами.

На следующий день был выходной, я вышел во двор и, почувствовав резкую боль в области поясницы, потерял сознание. Очнувшись, добрался до своей кровати и стал звать маму.

– Мама, мне плохо, голова кружится, – слабым голосом произнёс я, когда она зашла.

В следующий час температура поднялась до 40 °С.

Папа поначалу не верил, говорил, чтобы я не симулировал и чтобы мама перестала заниматься ерундой, пытаясь сбить у меня температуру. Но, посмотрев на градусник, он всё-таки поверил и вызвал неотложку. Когда скорая приехала, он помог меня вынести и попросил врачей, чтобы те внимательно осмотрели мои почки.

– Они у него что-то слабые, – сказал папа, когда врачи закрывали за мной задние дверцы машины. Пока меня несли на носилках, я смотрел на него. Никогда не видел отца таким растерянным. Я чувствовал, что он искренне переживал за меня, и от этого стало очень хорошо на душе. Папа всё равно меня любит, понял я.

Глава 8. Чёрная дыра

*Мы все жертвы тех, кто сам в своё время оказался жертвой.
Вероятно, родители не могли научить нас тому, чего не знали сами.*

Если ваши мать или отец не умели любить себя, то, конечно, не смогли научить этому и вас. Они старались как могли и поступали так, как их самих учили в детстве.

Луиза Хей

Прежде чем продолжить погружаться вместе со мной в пучину детских травм и страхов, предлагаю тебе, дорогой читатель, подумать вот о чём: кто и как воспитывал наших родителей?

Возьмём мой пример: мамин отец, сын бедного казака с Поволжья, чьё детство прошло в крайней нужде, в восемнадцать лет попал на фронт. Я даже представить не могу, что произошло бы с моей психикой, если бы в восемнадцать лет я увидел, как горят города, как гибнут мои товарищи. Не могу представить, что бы чувствовал, если мне, как и деду, пришлось в одиночку преследовать взвод немцев, чтобы, догнав, убить их всех¹. Или папин отец, которого в восьмилетнем возрасте советская власть лишила семьи. Или мамина мать, которая научилась с малых лет скрывать своё еврейское происхождение и наглухо прятать эмоции, понимая, что, раскрывшись, можно лишиться жизни и поставить под угрозу жизнь самых близких людей.

Одно я знаю наверняка: все они хотели лучшего своим детям. Именно страх за их будущее и неуверенность в себе заставляли применять насилие в воспитании – лишь бы дети не повторили их ошибок и не сбились с «истинного пути».

Сейчас, в свои сорок четыре года, я убеждён, что мы сами выбираем себе родителей, когда решаем воплотиться в человеческом теле для земной жизни. А раз так, то это значит, что всё происходившее со мной – это мой собственный выбор. И думаю о том, что выбрал своих родителей потому, что увидел – мы сможем помочь друг другу стать лучше.

Есть такая теория, в которую я верю: до трёх лет все мы помним, кто мы и зачем пришли в этот мир. После трёх лет забываем. И весь наш дальнейший путь – это результат выбора, который мы совершаем ежедневно по несколько раз. Мелкие решения складываются в устойчивые правила, правила формируют наши принципы, принципы перерастают в убеждения. И вот так, шаг за шагом, мы либо остаёмся собой, либо всё больше от себя отдаляемся. Путь от себя – это дорога в ад. Путь к себе – дорога в рай. Рай и ад – они здесь, на земле. Место, где мы живём – в раю или в аду, – есть не что иное, как результат нашего выбора.

В первые десять лет жизни моей безусловной любви не хватило, чтобы помочь родителям справиться с неверным восприятием самих себя. И случилось то, что должно было случиться.

Я проснулся ночью от шума в коридоре. Отец поздно вернулся, маме это не понравилось, и она устроила скандал. Слово за слово началась потасовка. Отец, безусловно, был физически сильнее мамы. Накопленные взаимные обиды ждали своего момента для выхода, и вот он настал. Отец в ярости стал бить маму.

– Дима, помоги! Дима! – звала меня мама.

Страх, ужас, боль, чувство бессилия – всё смешалось внутри меня в этот момент.

Я не мог пошевелиться. Спрятавшись с головой под одеялом, я слушал мамины крики о помощи и, вцепившись зубами в подушку, беззвучно рыдал, ненавидя себя за трусость.

Через какое-то время крики в коридоре стихли. И я обессиленный уснул, обмочившись в ту ночь. Проснувшись рано утром, быстро оделся и побежал в сарай. Почистил стойло

¹ Эту информацию наша семья узнала в 2016 году из наградного листа, который мы нашли на сайте podvignaroda.ru. Дед об этом эпизоде никогда не рассказывал.

у коровы, накормил всю живность. Вернувшись в дом, застал маму на кухне. С красными от слёз глазами и кровоподтёком на лице она готовила завтрак.

– Дима, я тебя ночью звала. Почему ты не вышел?

– Звала? Я не слышал, мам. А что случилось? – произнёс я неестественным голосом. Чувствуя, как от этого вранья чёрная, мерзкая муть забурилась внутри меня.

– Да так, ничего, с отцом поругались. Видишь? – показывая мне своё лицо, сказала мама.

Я быстро переоделся и, не завтракая, чтобы не столкнуться с отцом, побежал в школу.

Всю дорогу к школе я проревел, пытаюсь найти себе оправдание и облегчить боль, но облегчение не приходило. «Как я мог оказаться таким трусом?! Не защитил маму – самого близкого человека! Маму, которая всегда заботится обо мне, когда я болею, жалеет, когда мне плохо. Укрывает меня перед сном своими заботливыми руками. Встаёт между мной и отцом в моменты, когда он бывает особенно жесток. А когда помощь понадобилась ей, я трусил. Я ничтожество! Ненавижу себя! Мама, мамочка! Любимая, прости меня!» – рыдал я.

Весь день в школе я не находил себе покоя. Пытаясь отыскать хоть какую-то зацепку для своего оправдания, я рассказал об этой истории нескольким друзьям из неблагополучных семей. У каждого такого друга случались похожие истории – когда папа, обычно пьяный, пытался бить маму. И все мои друзья, такие же десятилетние пацаны, бросались на защиту своих матерей. Кто вцеплялся зубами, кто пытался бить кочергой, кто просто вставал между разъярённым отцом и матерью. И только один я трусливо дрожал и ревел под одеялом.

К концу дня я окончательно убедился в том, что я – конченный человек.

Это осознание раздавило меня. Яд презрения к самому себе стал медленно проникать в каждую клетку организма и разъедать огромную чёрную дыру внутри.

Глава 9. Отказ от себя

После той роковой ночи я вдруг стал придавать значение словам и моментам, на которые раньше не обращал внимания. Приходя в гости, на дни рождения к своим благополучным одно-классникам, я начал обращать внимание на то, как их хвалят родители. Стал задумываться, когда их хвалили учителя. Какое-то время пытался подражать этим всеобщим любимцам. Пытался говорить как они, копировал походку, почерк, смех, манеру говорить. Надеялся, что, если буду как они, меня тоже полюбят. Но из-за такого поведения стал лишь объектом насмешек.

Очередное «выродок» от отца или «не будет с тебя толку» от деда и бабушек как-то непривычно стали колотить внутри. И если раньше эти слова пролетали мимо ушей, то теперь они слой за слоем оседали где-то в глубинах сознания.

Сжималось сердце, когда мама в очередной раз ругала меня из-за жалоб учителей. Или когда отец выходил из себя, увидев очередное подтверждение моему несовершенству. Я стал ощущать, что своим существованием приношу близким людям боль и страдания.

Как-то раз к нам приехали важные гости из областного центра. Я помог маме накрыть на стол. Началось веселье. Громкие разговоры, смех, дым коромыслом. Отец никогда не курил в доме, но таким гостям можно было всё. Я в это время помогал маме на кухне. После очередной смены блюд разговор зашёл о детях. Гость с особой теплотой и гордостью рассказал о своих. Отец в ответ ничего не стал рассказывать. Лишь заметил: «Здорово. У тебя дети как дети, а у меня выродки какие-то!» И засмеялся. Гость почему-то смех не поддержал. Очевидно, отец так шутил, но от этих слов мне стало невыносимо больно.

Я всё сильнее ненавидел себя. Через какое-то время стал терять интерес ко всему, что меня окружало. Скатился в учёбе, стал забывать о домашних обязанностях. Посыпались двойки и скандалы из-за неубранных комнат или невымытой посуды. В школе перестал стоять за себя. Это быстро просекли окружающие. Сразу нашёлся одноклассник, а за ним и несколько ребят из старших классов, которые считали своим долгом меня унижить: пнуть, ударить, оскорбить, порвать мою школьную сумку или одежду. В ответ я лишь улыбался, пытаюсь им подыгрывать, как будто мне тоже смешно. Лишь иногда плакал, когда было особенно больно. Дома отец, не понимая, что со мной происходит, становился всё более жестоким. Стал бить уже не просто ремнём, а пряжкой, затем в ход пошло всё, что попадало под руку, а потом и кулаки. За двойку, за невымытую кастрюлю, за нечищенный двор, за грязные полы – поводов было хоть отбавляй. В перерывах между избиениями я пытался ему во всём угодить, заискивал. Но это не помогало. Приносил очередную двойку и следом получал очередную порцию синяков. Так продолжалось до шестого класса. Пока в один из дней я не взбунтовался.

На киносеансе в школьном кинотеатре я сидел в первом ряду. Выскочил на пару минут в туалет. Когда пришёл, увидел, что на моём месте сидит Николай, тот самый одноклассник, который использовал любой повод, чтобы меня унижить. Он, как тогда выражались, «держал шишку» в классе, то есть был тем, кого все боялись. Я, неожиданно для себя, подошёл к нему и сказал: «Это моё место». Он сначала обалдел от моей наглости, но, придя в себя, ответил: «Было твоё – стало моё, пошёл вон отсюда!» и попытался пнуть меня. Я перехватил ногу и с силой выдернул парня с места. Не давая опомниться, навалился сверху и стал бить его по голове что было сил. Он закрылся руками, но это мало помогало. Все повскакивали с мест и, окружив нас, болели за Николая: «Коля, давай! Ты чё, Ким, офигел, что ли?!» Я бил его до тех пор, пока он не закричал: «Хватит! Всё, хватит!» Я пришёл в себя и остановился. В течение следующей недели, обратившись за помощью к десятикласснику, который очень уважал мою маму, я разобрался с двумя парнями из старших классов – с теми, кому нравилось пинать меня

на переменах. В слезах они просили у меня прощения. И я их простил. Больше в школе никто никогда надо мной не издевался.

Дома было сложнее. Во время очередной экзекуции я не закричал привычно: «Папа, не надо!» – а стиснув зубы, не моргая стал смотреть ему прямо в глаза. Это отца шокировало. «Что ты пялишься, скотина?! Что ты сопишь?! Ах ты урод!» – остервенело охаживал меня пряжкой отец. В тот раз я огрѐб особенно сильно. Но не проронил ни звука.

Перед следующей экзекуцией я решил сменить тактику и просто не пришѐл домой ночевать. С тех пор и до четырнадцати лет я регулярно уходил из дома. Летом спал в подвале недостроенной пятиэтажки или на чердаке нашего дома. Зимой – в переговорном пункте, где было тепло и добрые телефонистки меня не выгоняли. Мама вылавливала меня в школе и просила вернуться домой, чтобы я перестал позорить семью. Я ставил условие: отец должен перестать меня бить. Он давал обещание, я возвращался, но потом он не выдерживал, и я уходил снова.

После инцидента в школе я дал себе клятву, что как можно скорей прокачаю себя настолько, что смогу противостоять обидчикам и, главное, отцу. Занялся спортом, дома по вечерам таскал гирию, доил корову утром и вечером, прокачивая кистевой хват, таскал на совхозной ферме пятисоткилограммовые тележки.

В четырнадцать лет я стал одним из лучших нападающих школьной волейбольной команды, лучшим юным животноводом района, чемпионом школы по гириям и армрестлингу. Восьмой класс окончил на «хорошо» и «отлично». И вот однажды, когда отец пытался меня избить за забытую в общественной бане мочалку, я схватил его за горло. Прижал к стене, но ударить не смог. Не поднялась рука. Не зная, что делать, я отшвырнул его на мешки, стоявшие на веранде, и выбежал из дома. В тот вечер, вняв уговорам мамы, мы собрались на «семейный совет». Отец прочитал длинную гневную речь о том, что я не имею права поднимать на него руку, даже если он будет тысячу раз неправ. Я согласился. И все разошлись спать. Больше в семье никто никого не бил.

Глава 10. Пошли вы все!

Большинство людей чрезвычайно велики внутри. Их величие в любви, доброте и милосердии, скрытых под грузом накопившихся проблем. Когда такой человек нечаянно соприкасается с собой настоящим, ему становится страшно – настолько этот внутренний мир резонирует с окружающим. Вот так и бегут от себя люди, обрекаясь на бессмысленный поиск смысла жизни, в то время как весь смысл скрыт в самом человеке. Нащупай тропинку к самому себе. Иди по ней мелкими шажками. Если будешь настойчив, скоро себя найдёшь.

Лена Полякова

(в беседе со мной у камина,

Тбилиси, январь 2017 г.)

Постепенно, шаг за шагом, я отдалялся от себя. Запихивая детскую открытость и доброту на самое дно подсознания. Чтобы доброта вдруг не выскочила, придавил её чувством отвращения к самому себе и для надёжности закупорил ненавистью к отцу. Ближе к окончанию школы я понял, что мне легче перенести источник боли на него. Сделать его виновным в своих душевных муках. И это помогло. Боль ушла. Взамен появились цинизм, агрессия, стёрлись многие границы социальных норм. Я мог запросто встать посреди урока и уйти. Прийти, когда захочу. Мог подбить класс сбежать с урока. Стал выпивать и курить. Хоть и не специально, но поджёг школу на Новый год. Вовремя потушили. На оскорбления учителей отвечал отборным матом, если педагог был мужчиной – провоцировал его на драку, вызывая «раз на раз». Любимым выражением стало «Мне похуй!». Обалдев от такого нового меня, учителя наконец отстали. Никто не хотел связываться с отморозком.

В 1989 году партийная структура управления стала повсеместно рушиться. Отец потерял работу, а вместе с ней и служебное жильё. На свой дом скопить ему так и не удалось, поэтому школу я оканчивал у бабушки, в пригороде Целинограда. Мы переехали к ней, когда я доучивался в десятом.

Перед самыми выпускными экзаменами в пьяной драке я получил удар арматурой по голове и две недели пролежал в больнице, восстанавливая речь и координацию. Драка была массовой и прогремела на всю деревню, что дало повод учителям собрать педсовет для вынесения мне приговора – поставить «неуд» за поведение по итогам десяти классов. Это означало, что, несмотря на отсутствие троек по предметам, вместо аттестата мне выдадут «волчий билет» – справку о том, что я прослушал курс средней школы. Только рыдания мамы, её слёзные просьбы не губить мне жизнь смогли смягчить некоторых её коллег. С перевесом в один голос педсовет проголосовал за удовлетворительную оценку моему поведению, и выдали аттестат.

После школы пытался поступить в сельскохозяйственный институт, но пришёл на экзамен по математике пьяный, после бессонной ночи и весь экзамен проспал, не выполнив ни одного задания. Следом сдал документы в кооперативный техникум и, пройдя несложные вступительные испытания, оказался одним из трёх парней в группе из двадцати восьми человек.

Это было славное время. Огромное женское общежитие нашего техникума, казалось, вообще никогда не засыпало. Импровизированные дискотеки, которые привлекали мажоров со всего Целинограда, новые знакомства, яркая и весёлая жизнь вызвали во мне жгучее желание соответствовать новому кругу знакомых.

В группе в основном были ребята из состоятельных семей, дети торговых работников. Модно одетые, всегда при деньгах. Я, в дедушкином плаще, в его парадно-выходных лакированных туфлях и вечно без денег, чувствовал себя изгоем на этом празднике жизни. Чтобы

исправить ситуацию, вместе со старшекурсниками придумал продавать на дискотеках ёрш – ядерную смесь пива с водкой. Два раза в неделю нам удавалось таким образом немного зарабатывать. Но этого было мало. У отца имелась машина – красная «девятка», единственная материальная ценность, доставшаяся ему после десятилетий служения идеям коммунизма. Модная тачка по тем временам. И я вместе с новыми друзьями стал по ночам её угонять, чтобы катать девчонок по городу.

Когда понадобились деньги на модную одежду, я стащил отцовский золотой перстень и продал его цыганам. Это стало последней каплей. Отец, невзирая на уговоры мамы, выгнал меня из бабушкиного дома.

Так в семнадцать лет я стал самостоятельным. Какое-то время пожил в общежитии, но скоро меня выгнали за неуспеваемость из техникума и, разумеется, из общежития. Почти год я перебивался случайными заработками. Скитался по Целинограду в поисках ночлега у друзей и знакомых, пока всем не надоел. И меня под разными предлогами перестали пускать.

Но было лето, на дворе первое августа, а значит, день рождения моей любимой девушки Наташи, с которой я начал встречаться ещё в техникуме. Я знал, что мне нипочём любые лишения, пока у меня есть такой человек. Пусть я не нужен родителям, зато всегда нужен ей!

На последние деньги купил три розы и пошёл поздравлять. Наташа жила с мамой и папой в единственном тогда коттеджном посёлке нашего города. Её отец был спортивным функционером. Жили они в достатке. Только пил глава семьи сильно. Он и встретил меня на крыльце уже изрядно пьяный.

– О, Дима! Жених, бляха-муха! Поздравить пришёл?! Ну проходи!

– Да не, спасибо! Можно я здесь подожду? Позовите её, пожалуйста.

– Ну как хочешь, щас! Наташка! Иди! Жених твой пришёл!

Наташа вышла на крыльцо с абсолютно равнодушным лицом.

– Ты чё пришёл?

– Ну как чё? – улыбался я, протягивая ей букет. – С днём рождения тебя!

Наташа молча взяла цветы и бросила мне их под ноги.

– Уходи отсюда, чтобы я тебя больше не видела.

– Почему, Наташа? Что случилось? – недоумевал я.

– Не вижу с тобой никакого будущего, – сказала она, захлопывая за собой дверь.

Я молча брёл к остановке с пластиковым пакетом в руке, в котором умещался весь мой гардероб.

Такого поворота я не ожидал. От осознания, что теперь во всей вселенной нет ни одного человека, которому я был бы нужен, мне стало не по себе. Просидев всю ночь на остановке, неподалёку от Наташкиного дома, тогда, в первый и единственный раз в жизни, всерьёз задумался о самоубийстве. Думал о том, что на самом деле я какая-то ошибка, раз столько людей разочаровал.

Но под утро настроение радикально изменилось.

– Хер вам! Я докажу, как вы были неправы насчёт меня! – прокричал я вслух.

Резко подскочил с лавки и зашагал напрямиком в центр города, навстречу судьбе.

Через четыре месяца наступит 1991 год. Год, в котором рухнет СССР, принеся вместе с хаосом и волной криминала невиданные прежде возможности – одной из них мне предстоит воспользоваться.

Глава 11. Олег

В тот день, немного подумав, я зашёл в кафе «Луч» – первое частное кафе в нашем городе. Владела им добрая корейская семья – дядя Лёня и тетя Галя. Они были знакомы с моими родителями, но близко никогда не общались.

Я поинтересовался у дяди Лёни, нет ли для меня работы, и попросил помочь с временным пристанищем, пока не смогу снять жильё. Сказал, что меня выгнали из дома, рассказал за что.

Дядя Лёня, недолго думая, набрал полные сумки продуктов и повёз меня к своему сыну Олегу, который жил в трёхкомнатной квартире в «сталинке» недалеко от центра города. Олега и его супругу Марину до этого я видел один раз в своей жизни, но они, как оказалось, хорошо меня запомнили и с радостью согласились приютить.

– Конечно, какие проблемы! Заходи.

Дядя Лёня немного посидел с нами, сказал Марине, чтобы звонила, если что понадобится. Пошептался о чём-то с Олегом и уехал.

На мой вопрос насчёт работы махнул рукой:

– Потом! Располагайся. Еда есть, деньги нужны будут, скажешь. Держи вот, двадцать пять рублей пока, на карманные расходы.

Так я стал жить у Олега с Мариной. Оба они не работали. Марина пыталась что-то предпринимать на волне кооперации, но безуспешно.

Олег оказался наркоманом.

Чуть позже я узнал трагедию их семьи. Олег в юном возрасте подсел на иглу. Что только не делали родители, чтобы избавить единственного сына от недуга. В какие только клиники не возили. Бесполезно. Проходило время, и Олег принимался за старое. Как-то отец пытался лишить его денег, но через пару дней Олега поймали при попытке ограбления магазина. В конце концов дядя Лёня сдался, купил ему квартиру, обставил её. Нашёл красавицу жену с уже готовым ребёнком и сам закупал для сына наркотики. Лишь бы тот сидел дома и не вляпался ни во что.

Несколько раз в неделю у Олега собирался шалман. Богато разодетые люди, чуть не весь цвет города, приезжали к нему сварить «химку» и уколоться. Вонь от ацетона наполняла подъезд. Но привыкшие ко всему соседи не жаловались.

Я по-другому до этого момента представлял себе наркоманов. Городские легенды описывали их как жутких, потерявших человеческий облик монстров. А здесь я видел дружелюбных, очень вежливых, богато одетых людей, приезжавших на новеньких автомобилях.

Всё тело Олега было в «колодцах». Это такие незаживающие от бесконечных уколов гнойные синяки, под которыми когда-то были вены.

Олег кололся в пах, находил остатки кровеносных сосудов на ногах и кистях. Последнее время, когда я у него жил, его колол единственный друг-наркоман по кличке Пиня.

Я впервые наблюдал за этой ужасной процедурой: Пиня, заправив шприц, вгонял иглу чуть не по самый корень в «колодец» под лопаткой и начинал вращать иглу в поисках вены.

Олег стонал от боли. Из «колодца» сочилась кровь вперемешку с гноем. Наконец Пиня ловил вену и вводил коричневую жижу.

Олег облегчённо вздыхал.

– И кайф, и мучение! – любил говорить он, поймав «приход».

В один из дней к Олегу вместо шумной элитной толпы зашли какие-то два опытных наркомана. Судя по лексике и наколкам, бывшие ээки.

Покурив на кухне гашиш и угостив парой затяжек меня, они сварили «химку» из маковой соломки. Набрав шприцы, быстро укололись и помогли Олегу. Пока искали у него вену, обратились ко мне.

– А чё, давай мальчика ширнём? Ты как? – спрашивает меня старший.

– Я? Нормально! – ответил я с полной готовностью испытать новые ощущения.

– Только через мой труп! – корчась от боли, прокричал Олег.

– А чё такого, Олег? – спрашиваю я.

– Я сказал – нет!

– Нет так нет, – пожали плечами каторжане. И, закончив с процедурами, ушли по своим делам.

– Олег, а чё так? Я бы попробовал разок.

– Какой разок? Ты чё?! Ты посмотри на меня! Ты что думаешь? Это жизнь? Какая, на хрен, жизнь! Врагу не пожелаешь! Я же вижу, как ты любишь кайфовать. Тебе одного раза хватит, чтобы подсесть. Понимаешь? А это всё, конец! Что я отцу своему скажу?! Как в глаза ему буду смотреть?! – выдал мне Олег, ещё находившийся под кайфом.

После этого я несколько раз видел, как он мучился во время укола. Видел, как он пытался слезть с иглы. Как сидел во время ломки в ванне с кипятком, в которой вода становилась коричневой от гноя и крови, сочившихся из его «колодцев». Как выпивал стаканами водку, пытаясь подавить абстинентный синдром. Пять-семь дней таких мучений без иглы... И только ему становилось лучше, как приходил Пиня или ещё какой-нибудь «верный друг», и всё начиналось сначала.

Олег через несколько лет умер. Не дожил и до тридцати, разбив сердце своим родителям. Ненамного его пережил отец. Добрый, замечательный человек – дядя Лёня.

Эта семья произвела на меня неизгладимое впечатление. Ещё не раз в своей жизни встречу родителей и детей, у которых за внешним благополучием скрывается много боли. Но только здесь чувствовалось непоправимое. «За что им это?» – задавался я вопросом. «Зачем я это должен был увидеть?» – думаю сейчас. Всех ответов мне никогда не найти, но одно знаю точно: если бы не Олег, я бы стал наркоманом. Он, по сути, ценой своей жизни остановил меня у самого края пропасти.

Глава 12. Первый опыт ведения бизнеса

Пока жил у Олега, прибил к мажорам, с которыми познакомился во время учёбы в кооперативном техникуме. Целыми днями мы торчали в баре гостиницы «Турист». Вечером перебирались в ресторан этой же гостиницы. Насидевшись в ресторане, шли толпой к кому-нибудь на квартиру и там, накурившись травы, слушали Pink Floyd, Depeche Mode или Цоя.

Так продолжалось несколько месяцев, пока в один из дней я не услышал в ресторане:

– Димон! Братан! Здорово!

Ко мне от соседних столов бежал какой-то парень.

– Женька! Братуха! Здорово! – узнал я двоюродного брата, который был старше меня на два года. Мы крепко обнялись. Я пригласил его за стол.

Женька недавно пришёл из армии. Вернулся в совхоз, где жил последние годы с отцом и мачехой. Мы проговорили с ним до закрытия кабака.

– Ты чем занимаешься? – спросил он.

– Бродяжничаю, – отвечал я. – Тусуемся с парнями, иногда получается «поднять» каких-то денег. По-серьёзному, пока не знаю, чем заняться. Да и не думал об этом. Пусть всё идёт как идёт.

– Поехали со мной в Армавирский? У меня там знакомые грузины шабашат на стройке. До штуки в месяц можно заработать. Поехали? Нормальная тема. Денег заработаем, а там видно будет. Сейчас кооперативы все открывают, может, и мы с тобой что-нибудь замутим?

На том и порешили. На следующий день я собрал вещи, поблагодарил за всё Олега и дядю Лёню. И поехал с Женькой в совхоз.

Там расположились в местной гостинице. За символическую плату нам выделили двухместный номер в глинобитном домике, с туалетом во дворе и умывальником, в который надо было носить воду с колонки. Познакомился с Борей и Гочей. Грузины, родом из Кутаиси, оказались очень душевными парнями. Быстро выяснилось, что стройка для них была лишь ширмой. Основной доход приносили кражи. Они ездили по области, присматривали богатые дома и обчищали их. Вечерами за бутылкой коньяка Боря рассказывал о своей мечте – взять совхозную кассу, чтобы денег хватило на несколько лет. Он хотел путешествовать со своей девушкой. Гоча был молчуном. Лишь загадочно улыбался, когда Боря мечтательно делился своими планами. Боря звал нас с Женькой «на дело», обещал хорошую долю. Но, подумав, я решил, что это не наш путь.

– Надо открыть кооператив, – сказал я. – Вот в совхозе есть новенький Дом культуры. Даже дискотеки иногда проводят, а кафе нет. Некуда молодёжи сходить, вкусняшек попробовать. Или пива попить. Давай делать молочные коктейли и продавать пиво?

– А где мы возьмём мороженое и пиво?

– Не знаю, достанем где-нибудь.

За время учёбы в кооперативном техникуме я немного разобрался с тем, как работала система потребительской кооперации. Это была огромная машина всесоюзного масштаба, имевшая самую крупную в СССР сеть магазинов «Кооператор». В состав системы входили пищекомбинаты, пивзаводы, оптовые базы. На уровне области головная организация – облкоопторг, под ним райпотребсоюз, на уровне совхоза – сельское потребительское общество – сельпо. Я пошёл в местное сельпо со своей гениальной идеей.

– Давайте торговать мороженым и пивом! – радостно предложил я им.

– Да где ж ты его возьмешь?

– А где можно взять?

– Ну у нас есть фонды – лимиты – на Атбасарском молочном комбинате и пивзаводе. Но нам ничего по этим фондам не дают. Райпотребсоюзу даже не дают.

– Так давайте я возьму!

– Да кто ж тебе даст?

– Ну а кто там главный у них? Директор? Вот он и даст.

Председатель сельпо рассмеялся. Но, видимо, я ему чем-то понравился. И он предложил следующую схему:

– Если вдруг произойдёт чудо и тебе что-то дадут, то за проданный товар считаешься наличными в кассу по закупочной цене. Нам чем выше товарооборот, тем лучше показатели. Давай, попробуй развлечь молодёжь.

Я взял доверенность, выписал в совхозе грузовик и поехал за 220 км в город Атбасар.

Мне понадобилось пять минут, чтобы уломать директора пивзавода дать мне дефицитное пиво по доверенности и договориться, что буду к ним приезжать два раза в неделю.

Первая партия – две тонны пива – разлетелась за полдня. Закупочная цена была пятьдесят пять копеек, продавал за рубль. За вычетом тридцати рублей (аренда автомобиля) на первой поставке я заработал чистыми девятьсот тридцать рублей. Из которых, правда, пару сотен пришлось отдать за мороженое – его никто не захотел покупать. Оно растаяло и в жидком виде было ужасным на вкус.

Так в девятнадцать лет я стал пивным магнатом совхозного разлива.

Два раза в неделю ездил в Атбасар. Грузил там от одной до двух тонн пива и продавал в своём совхозе. Мой портрет бизнесмена выглядел так: худой кудрявый парень стоит целый день возле бочек с пивом у совхозного Дома культуры. Деньги торчат из всех карманов. Вокруг местные мужики на лошадях и мотоциклах пьют водку, запивая её пивом, и угощают меня. Каждый день к вечеру я был изрядно пьян. Но на ногах держался, в отличие от многих своих покупателей.

Внезапно стало очень много денег. И я не знал, что с ними делать. Мы с Женькой оделись в самые дорогие шмотки, которые смогли найти тогда в районных магазинах. Периодически ездили на такси в Боровое – в Казахстанскую Швейцарию. Брли с собой совхозных девчонок и угощали их в ресторанах самыми дорогими блюдами и напитками. На большее фантазии не хватало. Так продолжалось недолго. Я пришёл в сельпо за очередной доверенностью. И застал там сильно расстроенного начальника.

– Звонил председатель райпотребсоюза. Ты за три месяца выбрал годовые фонды на пиво всего района. Он в ярости. Грозится меня уволить, а тебя порвать. Требуется доставить тебя к нему в район.

Быть порванным каким-то злым дядькой совсем не входило в мои планы. Я закрыл остатки задолженности в кассе сельпо, сдал пустые бочки в совхоз, собрал вещи и, попрощавшись с Женькой, уехал в Целиноград.

Глава 13. Энергия денег

Отношение к деньгам – очень важный аспект нашей жизни. Деньги – это энергия, которую нужно учиться уважать с ранних лет. В детстве мне внушали, что у семьи нет денег. Лет с десяти отец регулярно говорил, что я ему должен за то, что он меня кормит, поит, одевает, обувает. Конечно, он хотел этими словами привить мне ответственность перед ним, уважение к его заботе обо мне. Но моё детское восприятие транслировало в мозг совершенно другую информацию.

Первые деньги я заработал летом после четвёртого класса, трудясь в школьной бригаде по озеленению. Сорок рублей за месяц. Получать зарплату самостоятельно отец мне запретил. Сказал, что это не мои деньги. И с тех пор, пока мы жили вместе, всё заработанное мною получала мама. Она поступала мудрее. Получив очередную мою зарплату, спрашивала у меня разрешения и совета, на что потратить: отцу нужно купить новый костюм, младшим братьям, которых у меня двое, – куртки. Мне было очень приятно осознавать, что я помогаю семье. Но презрение к деньгам из-за отцовской позиции росло с каждым годом.

Когда я перешёл в шестой класс, моя школа заключила хозрасчётный договор с совхозом и взяла в управление один свиноводник на четыреста голов. Ученикам с шестого по восьмой класс было предложено вступить в рабочие «звёздочки», чтобы один раз в месяц работать на ферме. Сначала желающих было много, но уже к концу второго месяца моя «звёздочка» ходила на работу почти каждый день, потому что остальные пионеры сдулись.

На третий месяц часто бывало, что в пять утра я оказывался на ферме один. В одиночку за три часа успевал почистить весь корпус, раздать корм, налить воды. Работа была тяжёлой, ещё и аммиачный запах свиноводника въедался в кожу настолько, что от него невозможно было избавиться. Со мной никто не хотел сидеть за одной партой, когда я прибегал на занятия к девяти утра после фермы. Так сильно от меня воняло. Зимой зарабатывал до шестидесяти рублей в месяц. Летом, за полный рабочий месяц, – до ста восьмидесяти. Мама, завуч в школе, получала меньше. Но по решению отца, сколько бы я ни зарабатывал, это были не мои деньги. Такое отношение к заработку ребёнка – самый верный способ отбить у него уважение к деньгам. К концу школы я думал только об одном, что когда-нибудь смогу доказать родителям: деньги – это мусор. Я заработаю столько, что они не смогут у меня всё забрать, потому что некуда будет тратить!

Приехав в Целиноград после краха «пивной империи», я поселился в самом центре города – в гостинице «Ишим». Стандартный номер стоил десять рублей в сутки. Я мог себе позволить жить там несколько месяцев. Снова тусить с мажорами мне не хотелось, и в поисках новой компании я познакомился в баре гостиницы с местными культуристами – Эдисом и Атласом.

Модно одетые качки выделялись из серой городской толпы. Они были странными: тренажёрка, стероиды. Питание и качалка. Вот и все интересы. Но девочкам нравились, аж жуть. Я тоже был одет по последней моде: джинсы-бананы, яркая куртка реглан. В общем, мы нашли что-то общее. Днём я с ними ходил в качалку. Вечером гуляли по центру, знакомились с девочками, сидели где-нибудь в кафе или у меня в номере, курили траву и болтали о всеобъемлющем.

Так проходили дни, недели, месяцы. У меня стали заканчиваться деньги. Рассказал об этом Эдису, который был на пять лет старше меня. Мы с ним уже обсуждали, что надо придумать какую-нибудь «тему» и начать зарабатывать. Все идеи Эдиса сводились к криминалу, я был против. Но придумывать легальные способы заработка было лень. Тут Эдис предлагает:

– Поехали в Киев!

– Зачем?

- Дорога сделает всё! Она нам ответит, чем заняться, – выдал он гениальную мысль.
- В Киев так в Киев, – сказал я, и мы, взяв билеты на поезд, отправились в путь.

Глава 14. Зверь

В Киев мы ехали весело. Угощали попутчиков травой, питались в вагонах-ресторанах. По приезде в этот прекрасный город обнаружили, что денег у нас осталось на две тарелки супа в столовой. Только выйдя на перрон железнодорожного вокзала, мы с Эдисом переглянулись и одновременно произнесли:

– Зачем мы сюда припёрлись?

Это был риторический вопрос, ответ на который нам неинтересно было знать.

– Что будем делать? – спросил меня старший товарищ.

– Давай найдём ночлег.

Мы вышли из здания вокзала и увидели на стене вывеску: «Помощь в заселении. Гости-ницы, квартиры, койко-место».

Зайдя под вывеску, нашли там небольшую толпу агентов, которые принялись наперебой предлагать нам жильё.

Из всех золотовалютных резервов у нас осталось только моё массивное золотое кольцо. Так как дело близилось к ночи, нам его было не продать. Предстояло договориться о проживании в долг. Что я и предложил набросившимся на нас маклерам.

– Нужны два места на пару ночей. Деньги завтра.

Агенты, скривившись, разбрелись в стороны.

Оставалось ждать чуда. Подходили новые агенты, но, услышав наше предложение, теряли к нам интерес. В первом часу ночи подошла худенькая женщина лет сорока пяти с красивыми, но уставшими глазами.

– Что, ребят, никто не селит? Откуда вы?

– Из Казахстана. Только что приехали.

– И без денег?

– Ага.

– Зачем приехали?

– Хороший вопрос. Не знаем. Но мы рассчитаемся, вот, – показал я кольцо. – Завтра продам, и всё отдадим.

– Ну пойдёте со мной. У меня комната для постояльцев есть – шесть коек. Как раз два места свободны.

Её дом находился недалеко от вокзала, в районе Батыевой горы.

Зайдя в тёмный коридор квартиры, я ощутил резкий запах мочи и фекалий. «Что за хрень?» – сморщившись, переглянулись мы с Эдисом. Но вежливо промолчали.

Проследовали в конец коридора большой квартиры. Хозяйка попутно показала нам кухню, ванную и открыла дверь в гостевую комнату. Кивнув на наши кровати, пожелала спокойной ночи и ушла. В гостевую комнату зловонный запах не просачивался, и мы, решив не пижониться с душем, сразу завалились спать.

Проснулись утром, когда другие постояльцы уже разбежались. Приняв душ (проскочили до него и обратно на задержке дыхания), мы оделись и направились к выходу: надо было побыстрее продать кольцо и расплатиться за ночлег.

Комната хозяйки была заперта. Проходя мимо пустого зала, я вдруг услышал лязг – как будто кто-то тряс дверь в милицейском «обезьяннике». Заглянув в зал, я увидел в глубине проход в смежную комнату. Дверной проём между нею и залом разделяла решётка. Из-за решётки на меня смотрел зверь. Голый, обросший, нечеловеческого вида мужчина, поймав мой взгляд, принялся рычать и остервенело трясти крепкую металлическую преграду. Я сначала испуганно замер, но любопытство взяло верх, и я подошёл поближе. Оставаясь на безопасном расстоянии, стал разглядывать комнату за решёткой: голый деревянный пол, обшарпанные стены,

разодранный матрац. Пол, стены, решётка и сам зверь были измазаны фекалиями. На полу отчётливо виднелись лужи мочи. Зверь снова начал рычать и биться об решётку. Я с опаской отступил.

– Ребята, не подходите близко. Пойдёмте на кухню, я вас чаем напою, – услышал я голос хозяйки.

Мы сели ошарашенные за кухонный стол, не зная, что сказать.

– Это мой сын, – начала рассказ хозяйка. – Четыре года назад его таким привезли из армии. Мне не удалось выяснить, что случилось. Самая правдоподобная версия, что отравился какими-то химическими парами при очистке цистерны. Отравление было настолько сильным, что он впал в кому. Была клиническая смерть. Но, слава богу, выжил. Четыре года я пытаюсь вернуть его к нормальной жизни. Пришлось бросить работу, продать всё, что было нажито: машину, дачу, ковры, хрусталь. Живём на пенсию сына по инвалидности да койко-места сдаю. Муж не выдержал, ушёл два года назад.

Хозяйка рассказывала и рассказывала нам, куда она обращалась, что пыталась делать, сказала, что сейчас ей надо достать «струю кабарги» – по мнению женщины, она точно должна помочь.

– А у вас в Казахстане нет струи кабарги?

– Не знаю, – ответил я, – но спрошу.

Меня больше всего поразило то, как она воспринимала своего сына: считала его абсолютно нормальным. После четырёх лет бесполезных усилий и хождений по врачам она ни на грамм не потеряла решимости и не собиралась отступить.

Я смотрел на эту измождённую, хрупкую женщину, поражаясь её внутренней силе и такой беззаветной любви. Ей, чтобы помыть сына, приходилось приглашать санитаров, которые втроём едва удерживали его. И за все четыре года у неё ни разу не было мысли сдать сына в психдиспансер, чтобы облегчить себе жизнь.

– Так он нормальный! Это лишь временные трудности.

Я поневоле вспоминал слова своей мамы, когда в старших классах, в самый пик моего бунтарства, она уговаривала меня лечь в психбольницу, будучи абсолютно уверенной, что моё внезапное и жесткое сопротивление насилию отца вызвано психическим расстройством.

В тот день мы продали кольцо, рассчитались с хозяйкой и, потрясённые её историей, приняли решение ехать дальше – в Беларусь. Эдис вспомнил, что у него там живёт дядя, которого надо позвать партнёром в наше предприятие. Какое именно предприятие – не уточнил. Да это было и не важно! Ведь главное – дорога.

Глава 15. Конопляный угар

Беларусь – красивейшая страна. Калинковичи, Мозырь, Жлобин запомнились мне снежной кашей, густыми туманами и тишиной. Безветрие, столь нехарактерное для казахстанских степей, произвело на меня сильное впечатление. Дядя Эдиса жил в Калинковичах. Не знаю, чего Эдис ему наобещал, но на второй день после очередной встречи с дядей он принёс десять тысяч рублей. Большие по тем временам деньги. Мы ещё пару дней поизучали окрестности, попили вкуснейшего мозырского пива и вернулись в Целиноград.

По возвращении сняли два номера всё в той же гостинице «Ишим» и стали думать думу – чем заняться.

В те времена гостиничные номера повсеместно превращались в офисы. Странного вида люди, гордо именующие себя брокерами, сновали из номера в номер с толстыми блокнотами, полными торговых предложений – от жвачек до бериллия на условиях «предоплата 100%, самовывоз из различных городов СНГ». Я поначалу вдохновился такими темами, но быстро понял, что это на 99% продавцы воздуха. Вычленять из них процент реальных коммерсантов было лень.

Постепенно у нас сформировался распорядок дня: до обеда спим, потом двигаемся по городу, вечером сидим с девчонками во Дворце целинников. Ближе к ночи, накурившись травы, устраиваем мозговой штурм. Атлас и Эдис даже качалку забросили, настолько у нас пёр креатив.

В какой-то момент к нам прибилась ещё один странный персонаж – Юра по кличке Хохол. Приехал из Хмельницкой области Украины к своему дяде-кооператору. Поселился в соседнем номере. Мы любили обсуждать идеи при открытых дверях – юношеские понты требовали от нас, чтобы все видели и слышали, какие крутые перцы здесь живут. Так Юра к нам и забрёл. Представился «честным вором с Украины». С его участием обсуждаемые нами темы быстро скатились к маховому криминалу. Накурившись марихуаны, мы мечтали об ограблении банков и ювелирных магазинов. Придумывали, как грабить «комки»², которые начали открываться по всему городу. Довольно быстро меня такие разговоры стали утомлять.

В это же время я познакомился с Наташкой – студенткой третьего курса музыкального факультета Целиноградского пединститута. Она вечерами с подругами подрабатывала гардеробщицей во Дворце целинников. Мы почти каждый вечер пробирались в гардероб и, пока шёл сеанс, травили анекдоты, играли в карты, выпивали, укрывшись от посторонних глаз за шубами и куртками.

Мы с Наташкой как-то сразу выбрали друг друга. Она была необыкновенной девушкой. Высокая, с большой грудью, яркий макияж и не менее яркая одежда. Дочь военного, исколенившая с родителями весь СССР, приехала поступать в Целиноградский пединститут из Кишинёва, где в то время служил командиром части её отец.

Один мой знакомый дал на пару месяцев ключи от малосемейки. И у нас с Наташкой закрутился роман. Для меня это был первый серьёзный сексуальный опыт. Наталья, на два года старше меня и гораздо более искушённая в этих вопросах, открыла мне невиданные доселе источники эндорфинов. Бывали дни, когда мы сутками не вылезали из постели. Не знаю, любовь это была или только сексуальное влечение. Но мы привязались друг к другу.

И очень быстро всё остальное перестало меня интересовать. Я реже приходил в гостиницу на «мозговые штурмы». Заглянув туда в очередной раз, покурив с парнями, слушал их очередной гениальный план. «Мы придумали, как грабить поезда! Дело за малым – нужна тачка и два калаша», – восторженно выдал мне Эдис.

² Комок – коммерческий ларёк или магазин в начале девяностых.

Я смотрел на них сквозь дурман конопли и не мог поверить в реальность происходящего. Было ощущение, что от бесконечного курения травы у нас высохли мозги. Я попытался сказать что-то умное, но не смог: обкуренный мозг отказывался работать. Это разозлило меня.

– Парни, вы гоните! Пойду-ка я лучше к Наташке, с ней интересней.

Я решил больше сюда не возвращаться и завязать с курением анаши.

Они всё-таки пошли дальше мозговых штурмов – стали промышлять грабежами. И занимались этим до тех пор, пока все не сели.

Вот так встреча с Наташкой уберегла меня от глупостей, последствия которых могли дорого мне обойтись.

Проведя вместе пару месяцев, мы уже не хотели жить врозь и взяли комнату в общежитии её института. Совпадение, но это было общежитие, в котором я родился. Своими руками я сделал в комнате ремонт и смастерил всю мебель, собрав её из подручного материала, найденного в пустых комнатах. Мы стали настоящей семьёй. Мне, главе семьи, нужно было решить, как зарабатывать деньги.

Глава 16. Уютный мирок недолго продержался

Я быстро перезнакомился с соседями по общежитию. В комнате напротив жила молодая семья. Она – однокурсница моей Наташки, он – проводник поезда Целиноград – Москва.

Парня звали Дима, и мы с ним быстро нашли общий интерес – рок-музыку. В перерывах между его поездками обсуждали новинки, слушали старые треки – Deep Purple, UDO, Motorhead, Guns N` Roses. Раскладывая мысленно композиции на инструментальные партии, вслушиваясь в немислимые соло Эрика Клэптона или Джимми Пейджа, мы получали настоящий кайф безо всяких стимуляторов. На этой волне Димка предложил мне начать ездить с ним. Он закупался в Москве сигаретами, часть реализовывал по дороге, часть допродавал в Целинограде. Чистый доход с одной поездки – 300 рублей. Отличные деньги.

– Но у меня нет оборотки, на что я буду закупать?

– Я тебе дам.

И мы поехали.

Возили сигареты, конфеты, жвачку – всё, что пользовалось спросом. Димка скидывал товар в «комки», я, чтобы максимизировать прибыль, торговал сам на перекрёстках и стихийных рынках. Дела быстро шли в гору. Но мои частые поездки стали злить Наташку.

Сначала она кокетливо говорила о том, что ей не нравится неделя (ровно столько занимала одна поездка) быть одной. Потом просьбы переросли в поводы для скандалов, в крики, истерики.

Я никогда не кричал в ответ, чувствуя себя виноватым. И всегда извинялся перед ней. Обещая что-нибудь придумать, чтобы зарабатывать не уезжая.

Я не мог с ней ругаться. Это был первый человек в моей взрослой жизни, который окружил меня настоящим теплом и заботой.

Она стирала на руках мои вещи, идеально их выглаживала, готовила всякие вкусности. Так же, как и я, была помешана на чистоте.

В нашей комнатухе всегда было уютно и безопасно.

Под этой первой самостоятельно обрётённой крышей над головой мне никто не угрожал и не причинял боль. Наташкины истерики не вызывали у меня страха или гнева. Только сожаление и чувство вины.

После очередного скандала я наконец решился и устроился грузчиком в магазин «Кооператор», находившийся в двух остановках от нашей общаги.

Зарплата сто двадцать рублей. На второй месяц стало ясно, что этого дохода едва хватает на самое необходимое. Теперь Наташа была недовольна отсутствием денег.

– Что ты за мужик?! – распекала она меня вечерами. – Катке её Егор шубу норковую подарил, а я от тебя даже сапог дожидаться не могу!

– Наташ, ну прости. Я что-нибудь придумаю. Может, снова ездить начну?

– Нет! Мужик ты или нет?! Здесь ищи нормальную работу!

Пока я ломал голову, как же мне начать зарабатывать не уезжая, скандалы стали ежедневными. Надлом в отношениях произошёл на её выпускной.

Вернувшись с работы, я застал Наташку перед зеркалом за последними штрихами макияжа.

– Ты куда?

– Собрались с девчонками в «Золотую Ниву»³ – выпускной отметить.

– Наташ, может, не надо? Обязательно найдётся придурок, который вам настроение испортит. Давай лучше у нас накроем, позовёшь девчонок?

³ «Золотая Нива» – популярный в Целинограде тех лет ресторан.

– Ты совсем, что ли? Куда я их позову? В общагу? Да не бойсь ты! Всё будет нормально. Встретишь меня у ресторана в десять часов. Понял? – Она кокетливо улыбнулась.

– Понял.

В половине десятого я уже был недалеко от ресторана. Наблюдая за входом, смотрел на часы, чтобы подойти вовремя.

Ровно в десять я зашёл в холл, где увидел Наташкину подругу Светку. Девушка, заметив меня, как-то неестественно заморгала. Подскочив, она схватила меня под руку и потащила на улицу.

– Свет, где Наташа? – не понимая, что происходит, спросил я.

– Пойдём, пойдём, я тебе щас всё объясню, – отвечает Света и упорно тащит меня за угол ресторана.

До меня стало доходить.

– Где Наталья?! – Я резко выдернул руку и, не дожидаясь ответа, быстрыми шагами направился к дверям.

– Серёга, Серёга! Держи его! – закричала Светка лысоватому мужику, выходявшему из кабака. – Держи его, это он!

– Мужик резко подкатил ко мне и, приобняв, попытался отвести в сторону.

– Руки убери! Ты чё хотел?!

– Ты же Дима?

– Да, Дима. В чём вопрос?

– Братан, на минуточку? Есть разговор.

Он довольно корректно пригласил меня отойти в сторону, и я решил послушать.

– Есть такая девушка, Наташа. Которая сейчас хочет поехать с нами. Но есть одна проблема – ты. Она говорит, что боится тебя. И что ты её непустишь. Братан, я не знаю, какие у тебя с ней дела. Но сегодня она поедет с нами, а завтра ты с ней разберёшься, как захочешь. Идёт? – Он, улыбаясь, протянул мне руку.

Пока я, охреневший от такого предложения, думал, сразу бить или что-то ответить, сзади раздался голос Наташки:

– Мальчики, ха-ха-ха! Куда вы меня ведёте? А?

Я обернулся и увидел, как два мужика сажают пьяную Наташку на заднее сиденье припаркованной рядом «девятки». Нажав внутреннюю защёлку, они захлопнули за ней дверь.

Я оттолкнул лысого мужика и, подбежав к машине, попытался её открыть. Дверь была заперта. Внутри сидела пьяная, хохочущая Наташка и пыталась вытащить защёлки. Но у неё ничего не получалось.

– Открой дверь! – жёстко проговорил я близстоящему мужику. – Открой, я тебе сказал! – Сжав кулак и долбанув ногой по двери, я стал наседать на него.

Тут же меня окружили трое.

Ещё до начала разборок я краем глаза увидел рядом с этой толпой двоих белых от седины кавказцев, которые стояли в стороне и о чём-то разговаривали между собой.

– Эй, Миша, Сергей! Отстаньте от парня! Выпустите девчонку! – с лёгким акцентом крикнул кто-то из них.

Троица тут же отступила. Один открыл машину, и я смог забрать свою подругу. Мы уходили от ресторана под свист Сергея и смех её приятельниц.

– Запомни меня! Мы ещё встретимся! – кричал мне вслед этот жиголо. Через два года у меня появился шанс напомнить ему эти слова, но мстить, конечно, я не стал. Очень уж слабым человеком он оказался.

Глава 17. Когда не уважаешь сам себя, близкий человек это чувствует

Я вёл пьяную Наташку домой.

– Значит, ты меня боишься? – спросил я. – А так бы поехала с ними?

– Слушай, ты! Будешь наезжать на меня, развернусь и к ним пойду. Мне в ресторане все цветы дарили и шампанское, а от тебя даже несчастного цветочка не дождёшься! Ничтожество!

Я держал её под руку, слушал словно сквозь сон. Убеждал себя в том, что это не она говорит, а алкоголь. Но в душе будто что-то надорвалось. Снова это мерзкое ощущение пустоты и звящего одиночества.

Уложив Наташку на кровать, сам лёг на пол. Проснулся рано утром, собрал в небольшую сумку свои пожитки. Посмотрел на неё, мысленно прощаясь, но не успел развернуться, как она проснулась. Опухшими с похмелья глазами Наташка посмотрела на меня:

– Ты куда?

– Ухожу.

– Куда?

– Пока не знаю. Придумаю что-нибудь.

– Ты что, совсем, что ли?! Куда ты собрался?! – Наташка подскочила, вырвала у меня сумку. – А ну-ка, раздевайся! Уходить он собрался! – пытаюсь улыбаться, скомандовала она.

– Наташа, всё. Я ухожу. Мы вчера обо всём поговорили.

Тут до неё дошло, что я, видимо, всерьёз. Дальше были мольбы, слёзы. И я сдался.

На следующий день, на работе, разгружая замороженные свиные туши, таская ящики с яблоками, я думал о том, что произошло. И конечно же, винил себя. Я быстро придумал Наталье оправдание: все эти скандалы из-за того, что она сомневается в серьёзности моих намерений. И решил: чтобы наши взаимоотношения стали прежними, нужно пожениться. Тогда Наташка поймёт, что я полностью её. И успокоится.

Тем временем на работе отметили мои старания. Я один справлялся с объёмами, которые двоим были не под силу. И меня перевели в центральный универсам, в мясной отдел, где после недели обучения рубке мяса я стал рубщиком в самом «хлебном» месте торговой системы города. Работал двенадцатичасовыми сменами по пятнадцать дней. Получал за это семьсот рублей. Плюс постоянный приработок, когда с разрешения заведующей я отгружал лучшие части туши с чёрного хода с наценкой до 50%. Во времена тотального дефицита и талонной системы рубщик мяса в центральном универсаме был большим человеком.

С деньгами наконец наладилось. Мы подали заявление в ЗАГС. И по этому случаю я стал пытаться восстановить отношения с родителями. Пообщался с мамой, рассказал, как живу, и сказал, что решил жениться на самой лучшей девушке в мире. Мама передала это отцу. Он, заявив, что я идиот, раз решил жениться в двадцать лет, тем не менее согласился, чтобы мы стали приезжать к ним в гости. Мы начали общаться.

За две недели до свадьбы съездили с Наташкой к её родителям в Кишинёв. Пять дней, которые мы там провели, я целыми днями пил с будущим тестем молдавское вино, а по вечерам мы вместе с ним выслушивали от своих женщин длинные нотации относительно нашего поведения.

До свадьбы оставалось пять дней. Будущая теща с Наташиным младшим братом должны были приехать за четыре дня до регистрации, остановиться у родственников, живших недалеко от Целинограда, и потом ехать знакомиться с моими родителями.

Наташка, попрощавшись со мной, отправилась к родне готовиться к приезду мамы. Я решил посмотреть кино по телевизору и после ехать к родителям. Фильм ещё не закончился,

как в дверь постучали. На пороге стоял старый знакомый Юрка с подругой. Он держал в руках бутылку водки и пакет с закуской.

– Привет, Димыч! Мы к вам в гости! Можно?

– Проходи, – сказал я, протянув ему руку.

– О, а где Наташа?

– Уехала к родственникам. Я тоже сейчас уезжаю к родителям.

– Блин, Димыч, можно мы у вас ночь перекантуемся?

– Да оставайтесь, – махнул я рукой. – Только уберёте после себя. Ключ на вахте оставишь.

– Спасибо, Димыч! Не забуду!

Попрощавшись, я уехал.

Через день, вечером, раздался звонок.

– Как ты мог! Подонки! Скотина! Хоть бы мамы моей постеснялся! Урод!

– Наташа, что случилось? Ты о чём?

– Я тебя ненавижу! Между нами всё кончено! Больше видеть и слышать тебя не хочу!

Раскидал презервативы по всей комнате! Ублюдок! – кричала Наташка, переходя на плач.

– Наташа! Успокойся, я тебе всё объясню!

– Заткнись! Ты уже всё объяснил! Ненавижу тебя! Исчезни из моей жизни!

И бросила трубку. Я сидел раздавленный, едва сдерживая слёзы обиды, жалости к себе и горечи от такой потери. Зная Юру и его неряшливость, я был уверен, что он не уберёт после себя, но такого развития событий не ожидал.

Как выяснилось позже, Наташа, перед тем как ехать к моим родителям, привезла маму – показать, как мы живём. Зашли в комнату, а там всё вверх дном. Повсюду валялись использованные презервативы и длинные чёрные волосы (Наташка блондинка), маме сразу стало понятно, что будущий зять не тот, за кого себя выдаёт.

Всю ночь я молча утирал слёзы, но под утро успокоился и где-то внутри подвёл черту. Отрезав эту часть жизни как то, к чему уже не вернусь.

На следующий день были её извинения и слёзы. Раскаяние, попытки уговорить мою маму и бабушку, чтобы повлияли на меня. Но в этот раз я был непреклонен, и мы расстались.

Сейчас понимаю, что Наташа была подарком, посланным мне судьбой. Она как могла, пусть и неосознанно, указывала мне на самую серьёзную проблему – на мою подсознательную уверенность в собственной ничтожности. Встретив такую яркую, заботливую девушку, я был уверен, что недостаточно хорош для неё. Был готов терпеть унижения, лишь бы не потерять её. Чтобы ощутить такую неуверенность партнёра, не надо быть психологом. Эти сигналы передаются на уровне души и разрушают отношения. Она должна была преподать мне урок, чтобы я смог избавиться от этой проблемы. Но тогда я только начал познавать жизнь и недостаток опыта не позволил мне сделать правильные выводы.

Когда человек не понимает с первого раза, обязательно последует второй. Второй урок будет значительно больше первого. Долго ждать не пришлось...

Глава 18. Окно возможностей

После такого болезненного расставания мне уже не хотелось ни жениться, ни делать карьеру рубщика мяса. Тем более стал налаживаться контакт с родителями. Мама уговорила отца, чтобы он, используя старые связи, помог мне получить водительские права. Отец в то время пробовал заняться бизнесом. Выкупил за символическую сумму старый кирпичный завод и впахивал там с мамой круглосуточно, пытаясь заработать.

Меня позвали в семейный бизнес водителем. Конечно же, без зарплаты. Утром и вечером я развозил рабочих на уазике-«буханке», днём выполнял поручения отца и мамы. Грело осознание того, что снова помогаю семье, хотя отношение отца ко мне не изменилось. Всё то же недоверие, всё те же «выродок» и «подонок» по любому поводу. Ненависть к нему на тот момент ушла глубоко в подсознание, внешне я просто старался не замечать оскорблений.

В один из субботних вечеров я подъехал к совхозному клубу, в котором была дискотека. У входа меня кто-то окликнул.

– Эй, Комиссаров! – В этом посёлке меня многие звали по фамилии деда, которого здесь уважали.

Я обернулся и увидел троих старшаков⁴, с которыми когда-то учился в местной школе. Саня по кличке Немец, рядом с ним – Джамбулат и Руслан.

Немец был старше меня на семь лет. Гроза местной шпаны. Он только что освободился, отсидев четыре года за разбой. Джамбулат и Руслан – боксёры-средневесы, кандидаты в мастера спорта. Тоже наводили шороху в деревне, но слыли менее отмороженными, чем Немец.

– Как дела, Комиссаров? – Немец, улыбаясь, протягивал мне руку. – Помнишь меня? Как в школе в хоккей гоняли? Ты ещё дерзить мне пытался, – смеясь продолжал он.

– Помню, конечно. Не помню, чтобы дерзил, – рассмеялся я в ответ, поздоровавшись со всеми.

– Вот стоим с пацанами, – говорит Немец. – Тему им предлагаю, сигареты из Алма-Аты возить. Это твой уазик?

– Почти. Отца.

– Можешь его взять, если надо будет?

– Зачем?

– Поехали с нами в Алма-Ату, сигарет привезём. Навар поровну поделим. Но надо будет скинуться, тоже поровну.

– А сколько надо?

– Шестьдесят тысяч рублей.

На дворе стоял август 1992 года, месяц назад прошла денежная реформа, в результате которой советские рубли заменили на российские. Началась гиперинфляция.

В этот же вечер я уговорил отца дать мне машину для поездки в Алма-Ату и одолжить шестьдесят тысяч рублей. Тем более рабочих возить уже не надо было, так как завод остановили, чтобы не множить убытки. Он согласился. Дал мне необходимую сумму под драконовские проценты.

После первой поездки, вернув отцу его деньги и добавив к ним весь свой навар, я остался должен. В каждую поездку я брал у него новую сумму. Чем больше зарабатывал, тем быстрее рос долг. Так я впервые узнал, что такое сложные проценты. Денежная масса у меня и у моих новых партнёров быстро увеличивалась. После третьей поездки уазика стало мало и мы арендовали КамАЗ. Во время одного рейса меня вдруг осенило.

⁴ Старшак – старший товарищ, авторитет в дворовой среде.

– Сколько можно заниматься мышьиной вознёй, – сказал я приятелям. – Давайте откроем малое частное предприятие – МЧП, возьмём кредит и начнём возить товар фурами!

Пацаны ответили мне саркастическим смехом. Никто не поверил, что такое возможно. Так широко мы тогда не мыслили. Каждый просто зарабатывал себе «на жизнь». Но кто ж откажется помечтать о вагонах-миллионах, когда везёт три десятка коробок сигарет в полупустом КамАЗе, чтобы перепродать их бабушкам на рынке?

Быстро продав привезённый товар, купили за несколько рублей единственную имевшуюся в книжном магазине клеёнчатую папку с обгрызенным мышами уголком. Зачем нужна папка, точно никто не знал, но как минимум это был атрибут деловых людей. Несколько дней с этой папкой мы бегали по разным учреждениям и наконец получили все необходимые документы, зарегистрировав МЧП «Союз-Партнёр». Пошли по банкам. После двух недель безуспешных попыток управляющая одного из них со словами «Ну, Дима, смотри! Не вернёшь вовремя, больше не подходи!» выдала нам чековую книжку с пятью миллионами рублей. Огромные для нас деньги. Можно было купить две новенькие «девятки». Дело тронулось. Мы продолжили возить сигареты, но инфляция быстро росла, и мы за ней уже не успевали.

Тут я обратил внимание на сахар-песок – по тем временам дефицитный товар. Многие семьи круглый год гнали самогон, в сезон крутили варенье, компоты и прочие заготовки, потребляя сахар сотнями килограммов. Мы начали закупать песок оптом у крупных компаний и развозить его по деревням, продавая в розницу с хорошей наценкой. В этот момент предпринимательство вдруг стало массовым. Казалось, будто каждый мало-мальски умеющий считать и писать открывал МЧП и получал в банках кредиты. Кредиты выдавали в основном чековыми книжками. Люди не понимали, что с этими чеками делать, и предпочитали их обналичивать. Цена за один наличный рубль доходила до двух с половиной рублей чеком. Бросив клич по знакомым, мы принялись продавать наличные. Снизив розничные цены на сахар до себестоимости, мыкратно увеличили выручку. Каждый вечер возле дома моей бабушки выстраивалась автомобильная очередь. Мажоры, бандиты, коммерсанты – всем нужна была наличка. Сахар стал продаваться сотнями тонн, наличные – коробками. Деньги потекли рекой.

Глава 19. Сбалансированная команда – основа успеха любого дела

Роли в нашем предприятии распределились так: я – генератор идей, организатор продаж и закупок. Немец – лидер и педант. Он скрупулёзно записывал в тетрадку все наши доходы и расходы. Джамбулат – подтягивал бойцов, когда требовалось продемонстрировать силу. С Русланом пришлось расстаться. Напившись, он каждый раз кидался на окружающих то с ножом, то с кулаками. Устав от такой непредсказуемости товарища, мы отправили его в свободный полёт.

Одновременно с развитием рынка в городе, как и во всей стране, махровым цветом расцвела преступность. Шайки, называвшие себя «братвой» или «бригадами», разъезжали по рынкам и офисам, отбирая у предпринимателей их кровно заработанные. Благодаря моим старшим товарищам у нас был специфический круг общения. Немец, дважды судимый, был в приятельских отношениях с криминальными авторитетами города. Джамбулат знал всех серьёзных боксёров и борцов.

Многие представители спортивной и криминальной элиты стали формировать городской бандитско-предпринимательский костяк. Быть просто «коммерсантом» означало, что рано или поздно ты станешь чьей-нибудь «дойной коровой». Немец выбрал верное для того времени позиционирование – везде представлял нас как «братву из Учхоза». «Учхоз», или Учебно-опытное хозяйство Целиноградского сельхозинститута, находился в девяти километрах от города. Сейчас это один из районов Астаны.

По криминальным понятиям каждый авторитетный пацан должен иметь погоняло. Так я стал Корейцем, Джамбулат – Джамбиком. Мне нравилось представляться Корейцем с Учхоза. Даже на тех, кто обо мне поначалу ничего не знал, прозвище производило сильное впечатление – по кличке представлялись только бандиты. Для раскрутки и поддержания имиджа «авторитетных пацанов» мы периодически выезжали на «стрелки», где порой довольно жёстко объясняли оппонентам, кто мы такие. Стали брать «под крышу» заблудших коммерсантов. Выступали посредниками в спорных ситуациях.

Благодаря мудрости Немца и обаянию Джамбика мы умудрялись не ссориться с другими влиятельными группировками, что позволяло решать сложные вопросы дипломатически. Многочисленные мелкие банды отморожков не в счёт – те понимали только силу. Наш авторитет в городе быстро рос.

Внешне отношение отца ко мне изменилось после того, как он узнал от своих друзей о моём новом имидже. Я заметил, что он перестал меня оскорблять и начал демонстрировать уважение.

Момент триумфа наступил, когда мама в свой день рождения, 28 июля 1993 года, подошла ко мне с просьбой:

– Дима, здесь соседи в Германию уезжают. Дом продают, ты не мог бы помочь нам его купить?

– Мам, зачем помочь? Давай куплю. Сколько надо?

Отец к тому моменту попытался создать два бизнеса, оба раза не получилось. Он пошёл работать на госслужбу за мизерную зарплату. Собственного дома у родителей не было, жили у бабушки. Маме очень хотелось своего угла. Отцу тоже.

– Хочешь дом посмотреть? – спросила она меня.

– Конечно, пойдём!

Мы зашли в соседний двор к пожилой доброжелательной семье. Участок двадцать соток, добротный немецкий дом, хозяйственные постройки. Всё, что нужно для жизни на земле.

Договорившись о цене, я сбегал и принёс нужную сумму.

– Мам, оформляй, – произнёс я.

Я видел радость на её лице, меня переполняли счастье и гордость. Потребности двадцатилетнего пацана были удовлетворены. Денег стало больше, чем мог потратить. Все материальные цели достигнуты. Я стал терять интерес к процессу зарабатывания.

Временами нападала щенячья тоска. В такие моменты я шёл к Немцу. Напивался с ним, пытаясь заглушить всплывающую из глубин подсознания обиду и боль.

– Деньги – это мусор. Как мог отец ставить их выше меня?! А?!

Немец обнимал меня:

– Кореец, братишка! Пошло оно всё! Давай лучше выпьем!

Глава 20. Первая любовь

Накупив себе домов и машин, мы стали завсегдатаями целиноградских ресторанов. Кутили круглосуточно. Я приобрёл квартиру в центре города, ещё один дом недалеко от родителей. Так как я оказался единственным холостяком в нашей компании, моё жильё быстро стало общим: музыка, девчонки, алкоголь – праздник должен быть вечным.

У Немца водилась многочисленная родня в Учхозе. Его отец был из многодетной немецкой семьи, имел шестерых братьев и сестру. Братья, все простые работяги, жили в Учхозе. Сестра ещё во времена СССР удачно вышла замуж за юного коммуниста, который сделал блестящую партийную карьеру, став первым секретарём обкома партии. После краха коммунизма он только упрочил свои позиции.

Немец мне часто рассказывал о своих богатых и влиятельных родственниках. Они редко появлялись в Учхозе. Только по большим праздникам и на родительский день – посещали могилы родителей. В их семье было двое детей – старшая дочь и сын – двоюродные брат и сестра Немца.

Больше всего Немец восхищался сестрой. Рассказывал о том, какая она умница и красавица. С нескрываемой ревностью говорил, что её муж-художник старше неё на шестнадцать лет, а вышла она за него назло родителям.

Девчонка, находившаяся с рождения под родительской гиперопекой, взбунтовалась после окончания школы, требуя уважения к своим желаниям и чувствам. Не добившись нужной реакции, сделала ход конём – вышла замуж за человека, которого родители категорически отказывались принять. За такой поступок они даже прекратили с ней общаться. Но, увидев однажды, в каких условиях живёт их чадо (молодожёны ютились в частном доме у сестры мужа, где девчонка, не зная прежде, что такое физический труд, носила воду с колонки, топила печь и мыла деревянные полы), признали наконец выбор дочки. Купили молодожёнам квартиру и устроили зятя на работу.

Однажды Немец напросился в гости к сестре и потащил меня с собой.

На пороге нас встретил муж хозяйки Николай. Гостеприимно улыбаясь, пригласил в квартиру.

Скромная по размеру двушка в центре Целинограда. Со вкусом подобранная мебель. После пары дежурных фраз нас повели на кухню. Здесь я увидел Татьяну. «Где-то мы уже виделись», – мелькнула первая мысль в голове.

Все два часа, пока мы находились в гостях, наши с Таней взгляды постоянно пересекались. Тонкие черты лица, изящная фигура, плавные движения – всё это гипнотизировало меня. Её манера вести беседу и держаться за столом разительно отличалась от того, что я привык видеть. Она была из другого мира. Представительница элиты, живущая с детства в достатке. Она посещала с родителями приёмы у президента республики. Водила дружбу с детьми министров. Я и близко не сталкивался с такими людьми.

К финалу посиделок наконец вспомнил, где её видел. Ну конечно! Надо же! Был в моей жизни эпизод, когда я поступил после восьмого класса в машиностроительный техникум. Меня оттуда выгнали через два с половиной месяца за тотальную неуспеваемость. Деревенскому парню, который кроме свиней, коров и тракторов ничего не видел, снесло башню от города и общажной вольницы. Друзья, вино, девчонки... Вот это жизнь! Какая может быть учёба?!

Я обитал в общежитии техникума в комнате с одним парнем, Андреем. Он как-то раз позвал меня в гости к своей соседке по райцентру. Соседка жила в общежитии сельхозинститута.

Мы пришли к девчонкам в хорошо отремонтированную и обставленную комнату общежития. Нас угостили вином и тортом, мы взамен рассказали пошлые анекдоты, над которыми никто, кроме нас, не смеялся. Затем к ним в гости заявили взрослые парни. Детское время кончи-

лось, и Андрюхина соседка пошла нас провожать. Мы о чём-то трепались по дороге. Заговорили о любви и девушках. Вдруг наша провожатая спрашивает:

– Пацаны, а вы целоваться умеете?

– Не-а.

– Хотите, научу?

– Ага.

И она поцеловала каждого из нас.

Я вспомнил, что тогда от нахлынувших ощущений у меня даже температура поднялась.

Нет сомнений. Это была она. Соседка Андрея – Татьяна. Как же я сразу не узнал.

Мы ехали домой после этого ужина. Навязчивые мысли крутились в голове. Сделав усилие, я отогнал их. Она просто сестра Немца. Она замужем. У неё ребёнок. И вообще мы с разных планет. Точка.

После той поездки учхозовская родня Татьяны не скрывала удивления: если раньше девушка бывала в Учхозе не более двух раз в год, то теперь стала появляться там каждую неделю. Под разными предлогами: одним ненужные детские вещи передать, другого с днём рождения поздравить... Всегда приглашала присоединиться Немца. И как бы невзначай спрашивала его: «А Корейца возьмёшь с собой?»

Таня стала частой гостьей наших вечеринок. Во время застолий всегда «случайно» оказывалась рядом со мной. Но я внешне никак не реагировал. Для меня она была женой Николая и сестрой Немца.

В один из таких вечеров у кого-то из родственников заболел зуб. Ночь, нужно ехать в город вырывать. Я, по обыкновению самый трезвый, вызвался отвезти страдальца к дежурному стоматологу.

– Можно я с вами? – спросила Татьяна.

– Конечно.

Родственник сел на заднее сиденье, Татьяна – рядом со мной.

Мы ехали не спеша, о чём-то болтали, из динамиков нащёптывал Леонард Коэн, за бортом валил крупными хлопьями снег. Когда машина въехала под свет городских фонарей, я посмотрел на свою спутницу.

Это был взрыв невероятной силы. Откуда-то из глубины. Невиданное, крышесносящее чувство накрыло меня. С того момента я не мог налюбоваться ею. Все мысли – только о ней. Это была Любовь и Страсть. Любовь, которая подарила нам обоим короткий период наивысшего счастья, и страсть, принёсшая несколько лет жестоких страданий.

Глава 21. Разного поля ягоды

Мы скрывали свои внезапно вспыхнувшие чувства ровно неделю.

– Тань, я не могу тебя ни с кем делить. Разводись. Я сделаю всё, чтобы ты и твой ребёнок были счастливы.

На следующий день начался длительный и болезненный для всех участников бракоразводный процесс. За пять лет жизни в браке люди прорастают друг в друга корнями, какими бы ни были их отношения. Ещё и ребёнок, который одинаково любит и маму и папу.

Тогда я об этом не думал. Я влюбился и хотел всецело обладать этой женщиной.

Николай, её супруг, пытался меня отговорить, давя на совесть, взывая к человечности. Когда не помогло, стал угрожать убийством. Поняв, что не подействовало и это, подкараулил меня в ресторане и пытался побить. Но в кулачном бою у него совсем не было шансов. Татьяна также весь месяц, пока длился развод, находилась в депрессии.

Наконец всё закончилось. Я настоял, чтобы обошлось без дележа имущества: «В нашем доме ничего не должно быть из твоей прошлой жизни». Татьяна так и поступила, собрала самое необходимое и уехала к родителям – залечивать раны, нанесённые разводом.

Я по несколько раз в неделю ездил к ней в гости за четырьмястами километрами. Проводил с любимой вечер, иногда ночь и возвращался обратно. Мы не могли насытиться друг другом. Я буквально летал на крыльях. Хотелось обнимать и целовать всё вокруг – так было здорово. Сумасшедшее чувство. Вновь появился стимул зарабатывать деньги. У меня как будто открылось второе дыхание: запустил сразу несколько новых направлений. Бизнес рос. «Моя семья ни в чём не будет нуждаться», – убеждённо думал я.

Придя в себя, Таня вернулась ко мне в Целиноград.

Она не захотела жить в моём доме в Учхозе, холостяцкая городская квартира была мала для семьи. Я купил в городе квартиру, которую она сама выбрала. Это был мой подарок любимой девушке. Но её родители такого жеста не оценили. После очередной поездки к ним Таня достала пачку долларов из своей сумочки:

– Это тебе.

– Что это?

– Мама сказала, чтобы я отдала тебе деньги за квартиру.

– Зачем?

– Чтобы не быть тебе обязанной.

– Я не возьму.

– Ну мне они тоже не нужны.

Это был сильный удар по моему самолюбию – едва остановившийся процесс самобичевания был запущен вновь.

Я знал, что отец Татьяны пришёл в ярость, когда ему сказали о причине развода.

– Какой ещё Кореец?! Что за урод?! Покажите мне его, я ему шею сверну! – передавали мне родственники и знакомые его «приветы». Но Танина мама с пониманием отнеслась к выбору дочки. Благодаря ей с суровым отцом избранницы я так ни разу и не встретился.

Таня организовала в новой квартире ремонт, получилось очень уютно и стильно. С её сыном мы быстро нашли общий язык. Первые месяцы совместной жизни наше гнездо было наполнено счастьем.

Из Екатеринбурга я пригнал Татьяне огненно-красный Pontiac Firebird со съёмной крышей. Мы катались на нём по городу, привлекая всеобщее внимание.

– Кореец, это твоя девушка? – спрашивали повара моего любимого ресторана, выглянув однажды в зал посмотреть, что же за красавица там танцует. Она была безумно красива.

Мне даже нравились завистливые взгляды, сопровождавшие нашу пару, – все мужики мечтали обладать ею, но принадлежала она только мне.

– Да, моя. Полностью, – так любил отвечать я.

Гордость и абсолютное счастье переполняли меня в такие минуты.

В её день рождения, который мы впервые праздновали вместе, я пригласил её в ресторан – посидеть узким кругом. После ресторана повёл машину за город.

– Куда мы едем? – спросила она.

– Сейчас мне по делам нужно на пару минут в одно место заскочить, – ответил я, вырывая с трассы в сосновый бор, к дачному посёлку бывшей партийной элиты. Заехав на территорию, я посигналил, и из домов высыпала шумная толпа Таниных друзей и подруг, которых я заранее сюда пригласил. В коттеджах уже были накрыты столы, растоплена баня, жарился шашлык, играла музыка. Толпа ликовала, поздравляя именинницу, гремели фейерверки.

– Корец, – запрыгнув мне на руки, сказала она, – неужели ты так меня любишь? – И, обхватив моё лицо ладонями, поцеловала... Рай, он здесь, на земле. Тогда я это отчётливо ощутил...

Глава 22. Знакомство с элитой

Первые месяцы нашей совместной жизни я старался каждый день превращать в праздник: вечеринки, рестораны, концерты, всевозможные подарки – всё для любимой. Постепенно её родня свыклась с тем, что рядом с Таней появился «какой-то Кореец». Некоторым родственникам стало интересно познакомиться со мной. Её младший брат Олег был женат на дочери министра внутренних дел. Он свёл меня со всей их большой семьёй, и мы с Татьяной стали регулярно ездить в Алма-Ату – гостить на министерской даче.

У министра было двое детей – старший сын Андрей и младшая дочь Елена – супруга Олега. Андрей также работал в МВД, только-только начинал карьеру оперативника. Олег и Лена были студентами.

Мы сразу нашли общий язык. В первые приезды жарили на даче шашлыки, выезжали в горы, по ночам болтали о вечном, глядя на алма-атинские звёзды.

Мне интересно было наблюдать, как министр общался со своими детьми. Именно так я себе представлял образцовые отношения родителей и детей. Он спокойно выслушивал их, так же спокойно и с любовью что-то советовал. Всегда тепло, с улыбкой. Я никогда не мог обратиться за советом к отцу, как это делал Андрей.

Постепенно мы все настолько привыкли друг к другу, что отпала надобность прятать своих внутренних демонов. Андрей с Олегом были большими любителями кутежей. Покурить конопли, напиться в каком-нибудь ночном клубе, снять девчонок. Всё это они не особо скрывали от своих жён. Мне такое поведение было непонятно. Траву я не курил, выпить любил, но снимать девчонок с низкой социальной ответственностью, когда меня дома ждёт настоящее сокровище, – зачем? Для меня это было нарушением здравого смысла и моральным табу. Я пару раз прокатился с ними как наблюдатель за компанию, в третий раз попытался отказаться:

– Не поеду. Лучше с Таней пойду погуляю.

– Кореец, стоять! – выкрикнул пьяный Андрей.

Я обернулся и увидел, как он нервным движением выхватывает табельный ПМ – пистолет Макарова. Андрей приехал с работы уже пьяный и, не переодеваясь, стал зазывать нас с Олегом поехать «пофестивальить».

– Стоять, я сказал! – повторил он, покачиваясь и направляя на меня ствол. – Отвечаю, если ты сейчас не сядешь с нами в машину, я выстрелю тебе в ногу!

Взглянув в его пустые, безумные глаза, я понял, что он не соображает, что делает. Решив уберечь его от непоправимой ошибки, повиновался. Андрей сел за руль, и мы поехали в город – на красный, по встречке, с превышением скорости... На наши с Олегом уговоры отдать кому-нибудь из нас руль Андрей отвечал:

– Не ссыте, ссыкуны! Всё под контролем!

Опасное вождение не осталось незамеченным. Нас остановил инспектор.

– Ваши документы, – наклонясь к окну и представившись, произнёс он. – Вы сегодня употребляли алкоголь?

Трудно было ошибиться: мутный взгляд Андрея и его заплетающаяся речь выдавали в нём пьяного.

– Выйдите из машины! – скомандовал инспектор.

– Ща я выйду! Так выйду, что мало не покажется! – бормотал Андрей, вытаскивая удостоверение оперативника. – На, смотри! – ткнул он в лицо гаишнику красную ксиву.

– Смотрю, и что?

– Фамилию читай, олень! – выкрикнул Андрей и рассмеялся.

Инспектор отошёл к своим коллегам, о чём-то пошептался, затем вернулся к нам.

– Проезжайте! – возвращая удостоверение, произнёс он.

– То-то же! – захохотал Андрей и рванул с места, чуть не зацепив стоявший у обочины автомобиль.

На следующий день на столе у генпрокурора республики лежал рапорт от инспектора, в котором тот подробно изложил суть инцидента. Конечно, рапорту не был дан ход. Но как я позже узнал, такие инциденты не остаются без последствий.

Больше всего меня поразила реакция министра. Ни одного грубого слова.

– Сынок, так нельзя. Не делай так больше, пожалуйста.

– Хорошо, пап.

И всё. Столько любви и терпения к своему ребёнку! К ребёнку, который давно уже вырос.

Я недоумевал. «Чего же Андрею не хватает? Что его так плющит?» – всё думал я после этого случая. Андрей был хорошим парнем, но с какой-то внутренней червоточиной. Что-то его глодало изнутри. «Если бы мой отец ко мне так относился! Я бы стал лучшим человеком на земле!» – думал я каждый раз, когда его вспоминал.

Министр всю жизнь трудился ради того, чтобы обеспечить семью. Чтобы его дети жили лучше, чем он сам, и ни в чём не нуждались. Но, размышляя об Андрее, я понимаю, что недостаток, положение в обществе и всепрощение – видимо, не всё, что должны получить от родителей отпрыски. Нужно что-то ещё, чтобы дети росли целостными и счастливыми личностями.

Глава 23. Мутная сделка

В очередной приезд Андрей меня спросил:

– Кореец, если я найду деньги, ты сможешь их прокрутить?

– Помогу, но надо тему придумать. На те направления, которые у меня есть, у меня самого избыток наличных. Не хватает объёма реализации, чтобы всё пускать в оборот.

– А какая, например, может быть тема?

– Я сейчас Екатеринбург активно осваиваю – китайскую водку туда поставляю. Екатеринбургские партнёры постоянно спрашивают тушёнку. Если найти объёмы по хорошей цене, я бы смог наладить продажи.

– Кажется, есть вариант! Я поговорю с отцом.

На следующий день министр в нашем присутствии звонил из своего кабинета старому другу – директору мясокомбината в одном из приграничных с Россией городов.

– Заке⁵, салам алейкум, дорогой! Как здоровье? Как семья? – Дальше последовал непродолжительный диалог давних знакомых.

– Просьба к тебе: хорошим людям тушёнка нужна. Дай им три вагона по хорошей цене. Есть? Почём? О-о-о, а чё так дорого? А для меня? А если предоплата, а? – засмеялся генерал.

Выслушав ответ и зажав динамик, он сказал цену. Я поднимаю вверх большой палец: «Отличная цена!»

– Всё, парни, Заке ждёт вас, – закончив разговор, сообщил министр. Выпив кофе и немного поболтав, мы с Андреем двинулись дальше.

– Кореец, я сейчас дело веду. Там придурки одни, руководители госкомпании, нецелевым образом потратили двадцать миллионов долларов правительственного кредита. Раздали эти деньги как предоплату по необеспеченным контрактам. Сейчас проверяем, но, по-моему, там большая часть предоплат – липа. Просто украли деньги. Может, тебе тоже взять беспроцентную предоплату? Покрутишь их, пока дело будет идти? Навар пополам.

– Почему нет? – ответил я, и мы поехали знакомиться с руководством госкомпании.

Я встретился с генеральным директором, главным бухгалтером этой конторы и быстро понял, что дело пахнет керосином.

Поговорив с Олегом, мы попытались вдвоём отговорить Андрея от мутной сделки.

– Хотя мы формально закон не нарушаем, мне не нравятся эти люди. То, как они ведут себя на переговорах, меня напрягает.

– Как они себя ведут?

– Требуют гарантий, что если дадут предоплату, то дело в отношении них будет прекращено.

– Так пообещай им. Ты же не следак. Скажешь потом, что не получилось, какой с тебя спрос? – сказал Андрей и расхохотался.

– Я-то скажу. А ты уверен, что проблем не возникнет?

– Кореец, ты меня достал! Если ссышь, я другого найду! Ты будешь делать контракт?

– Хорошо. Сделаю.

Я согласился. Не осознавая, какую глупость мы совершаем.

Зарегистрировал новое предприятие, нанял дорогого юриста, чтобы он сделал качественный договор. И оформил с этой госкомпанией предоплату на поставку пиломатериалов. По условиям контракта в случае неисполнения условий договора я через полгода должен был просто вернуть всю сумму без процентов на счёт покупателя. Сумма была не такая уж и большая, но вполне приличная – немногим меньше ста тысяч долларов США.

⁵ Заке – уважительная форма имени Заутбек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.